Шумерская погремушка

Автор:
Наталья Александрова

Шумерская погремушка

Наталья Николаевна Александрова

Артефакт & Детектив

Ксении сразу не понравилась ее потенциальная работодательница Изольда Михайловна: та, даже не проверив рекомендации няни, не поговорив с ней, сразу же отправила незнакомую девушку гулять с родным внуком. И через несколько минут Ксению грубо подставили, а ребенка украли прямо посреди белого дня… При этом подменили его погремушку на старинный предмет в виде головы быка. Как выяснилось, это священная реликвия шумеров. Без нее нельзя вызвать бога Энлиля, но для ритуала еще нужен наследник Шумерского царства…

Наталья Николаевна Александрова

Шумерская погремушка

© Александрова Н.Н., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

«– Вот этот дом! – подумала Ксения, выйдя из троллейбуса. – И правда, легко найти, на углу, напротив музея».

Музей полководца Суворова представлял собой нарядный двухэтажный домик, похожий на печатный пряник и абсолютно не вписывающийся в окружение. Вокруг него были красивые большие дома позапрошлого века. И проспект тоже не подходил к домику – прямой как стрела, широкий. Раньше он назывался Слоновым, потому что по нему водили слонов из зверинца. Что ж, проспект широкий, целое стадо слонов провести можно.

Музей только что отремонтировали, и домик напоминал бы, как уже сказано, печатный пряник или праздничный торт, если бы не мозаики на стенах.

Целые мозаичные картины. «Переход Суворова через Альпы», знакомый еще со школы, и что-то там еще… тот же Суворов, и его встречают радостные крестьяне…

Ксения отвела взгляд от музея, решив сосредоточиться на своих насущных делах. Она перешла дорогу, и вот он, второй дом от угла.

Тоже хорош, нарядный фасад, двери подъезда высоченные, как в церкви, как будто при постройке планировалось, что люди прямо в каретах туда въезжать станут.

Сам подъезд, разумеется, заперт, просто так постороннему человеку ни за что не войти.

Ксения нажала на звонок и подняла голову, там наверху была камера.

– Кто такая? – проквакала камера.

Ну-ну, еще бы спросил: «Чего надо?»

– В пятую квартиру, – сказала она, – меня ждут.

– Ишь ты, ждут… – насмешливо фыркнула камера, но замок на двери щелкнул.

Ксения потянула на себя тяжелую дверь, вошла внутрь и огляделась. Холл был небольшой, сделан, очевидно, из площадки первого этажа. Ну, убрали в свое

время почтовые ящики да кое-что из подсобных помещений, выложили пол плиткой, люстру красивую повесили.

Вот лестница была хороша – широкая, светлая, потому что за первым маршем сразу же находилось огромное окно с цветными стеклами. И под лестницей был столик, за которым сидел толстый парень в форме охранника.

– Сюда иди! – сказал он, не утруждая себя приветствием. – Кто такая? Документы есть?

Ксения молча положила перед ним книжечку паспорта.

– Так… – сказал он, поднеся паспорт к глазам, – Кузовкова, значит, Анна Викторовна.

И поскольку Ксения хранила молчание, парень раскрыл толстую амбарную книгу и углубился в записи.

– Так-так… – произнес он, – сейчас посмотрим… что-то нет такой Кузовковой, не записана такая посетительница.

– Ты страницу-то переверни, – посоветовала Ксения, которой сверху было видно, что парень смотрит записи не за сегодняшнее число, а за позавчерашнее.

– Ага… – он нехотя перевернул страницу. – Нашел, есть такая Кузовкова. В пятую квартиру на одиннадцать ноль-ноль. Опоздала ты на две минуты!

Ксения хотела сказать, что, если бы этот придурок не тянул время, она пришла бы вовремя, но поняла, что парень просто невыносимо скучает тут под лестницей, оттого и пристает с разговорами. И что ругаться не стоит, не то парень ее запомнит, а это ни к чему.

– Слушай, я уж пойду, – она осторожно потянула к себе паспорт, – мне и правда пора уже, на одиннадцать назначено.

– В няньки, что ли, нанимаешься? – Он придерживал паспорт легонько, двумя пальцами.

– А ты откуда знаешь? – У Ксении лопнуло терпение, она дернула паспорт к себе. – С тобой они, что ли, советовались?

– А знаю, потому что Изольда как раз позавчера прежнюю няню выгнала. Со скандалом, она тут вещи собирала, ревела. Ни за что, говорит, выгнали и рекомендации не дали. Я ей еще такси вызвал, а то ехать, говорит, далеко, а у нее чемодан и сумка. У них ведь как… – охранник понизил голос, оглянувшись по сторонам, – хозяин все время в отъезде, дела у него, бизнес. Жена его в больнице, после родов никак не оправится. А в доме всем свекровь заправляет, Изольда Михайловна. Ух, я тебе скажу, женщина! Гроза морей и океанов! Так что имей в виду! Прислушайся к советам умного человека!

Ксения еле удержалась от ехидного замечания, что на месте жильцов она давно бы уж уволила этого болтуна, который искренне считает себя умным человеком.

Тут откуда-то сбоку вышел немолодой, но крепкий мужчина слегка начальственного вида, одетый по-уличному.

Увидев Ксению, безуспешно пытавшуюся завладеть паспортом, он все понял, видно, прекрасно знал собственного сотрудника.

Ничего не сказал, только выразительно поднял кустистые брови, и толстый парень сразу скукожился, вроде бы даже похудел слегка.

– В чем дело? – спросил мужчина.

– В пятую квартиру она идет, – ответил охранник и отпустил наконец паспорт.

– Проходите, пожалуйста, третий этаж, – сказал мужчина вроде бы приветливо, но Ксении не понравился его взгляд.

Быстрый, цепкий, подозрительный… Но возможно, ей так показалось из-за густых нависших бровей.

Ксения поднялась на третий этаж, позвонила в дверь.

Дверь была высоченная, из какого-то особенного золотистого дерева, и покрыта резьбой – сложным узором из виноградных листьев.

Дверь тут же открылась. На пороге стояла женщина средних лет, в крахмальном переднике поверх темного платья, с собранными в тугой кулачок плохо прокрашенными волосами, сквозь которые проступала тусклая седина, с усердным и испуганным выражением лица.

Она окинула Ксению недоверчивым взглядом.

– Я насчет работы… – проговорила Ксения торопливо.

– Ах, няня… – догадалась та и проговорила куда-то за спину: – Изольда Михайловна! Тут новая няня пришла!

Тут же в глубине коридора появилась еще одна женщина – высокая, худая, с коротко стриженными, неестественно черными волосами и глубоко посаженными черными глазами. Одета она была тоже во все черное и очень напоминала тощую ворону.

– Няня пришла! – повторила первая, судя по всему, экономка или что-то вроде того.

– Да, я насчет работы… – повторила Ксения.

– Документы есть? – прокаркала брюнетка.

– Конечно! – Ксения при виде ее оробела, она торопливо открыла сумочку и принялась искать паспорт, но он, как назло, куда-то запропастился. Вроде бы только что его в сумку положила, когда у охранника наконец отобрала…

– Сейчас, минутку… – бормотала Ксения.

Изольда Михайловна ничего не говорила, но само ее молчание казалось осуждающим.

Наконец паспорт нашелся, Ксения протянула его брюнетке.

Та взяла его брезгливо, двумя пальцами, перелистала.

– Кузовкова… Анна… – прочитала с таким выражением, как будто это была статья Уголовного кодекса. – Из Новоржева, значит…

– Ага, – Ксения кивнула с самым честным видом.

– А здесь-то ты где живешь?

– На улице Ползунова, – отчеканила Ксения, и поскольку брюнетка смотрела выжидательно, добавила: – Дом пять, квартира двенадцать…

– Ладно, пойдешь сейчас гулять с ребенком! – объявила брюнетка не терпящим возражений голосом.

– Но как же… прямо сейчас?… – пролепетала Ксения растерянно.

– Да, прямо сейчас! – отчеканила Изольда Михайловна и направилась в глубь квартиры.

– Но я думала, с завтрашнего нужно дня приступать! – крикнула Ксения ей в спину.

На самом деле она думала совсем другое, что ее не возьмут, во всяком случае, заведут в комнату, станут расспрашивать, проверять, а тут…

– Это не обсуждается! – донеслось хриплое карканье, будто ворона улетела.

Ксения осталась один на один с экономкой, взглянула на нее.

Та пожала плечами и проговорила едва слышно:

– Строга! С ней не поспоришь! Все по ее должно быть! Раз сказала гулять – стало быть, иди уж…

А Изольда Михайловна уже вернулась, катя перед собой красивую коляску.

– Иди в Таврический сад, там погуляешь! Потом я к тебе выйду! Там справа от входа павильон, жди меня около него через час! Смотри не перепутай!

Ксения хотела возразить, хотела еще что-то сказать – но ее уже вытолкали вместе с коляской на лестничную площадку, и дверь квартиры с голодным лязгом захлопнулась.

Ксения в полном недоумении посмотрела на дверь.

Дверь, как уже говорилось, была шикарная, резная, не было на ней ни глазка, ни звонка. Зачем, когда внизу охрана всех посетителей встретит, документы проверит и в квартиру позвонит – мол, встречайте кого ждали.

И вот что теперь делать? Позвонить Аньке, сказать, что ее взяли на работу и пускай она теперь сама с этим разбирается?

Ксения схватилась за сумку и поняла, что ее нету. Оставила там, в квартире. Открыла, когда доставала паспорт, поставила на столик, собираясь снять пальто, а тут эта Изольда Михайловна всучила ей коляску.

Ксения наконец решилась заглянуть в коляску.

Ребенок спал. Комбинезончик синий, шапочка голубая, значит, мальчик. На вид совсем маленький… сколько ему – месяца два, три?

Она понятия не имела, как выглядят такие дети. Вроде бы Анька говорила, что совсем маленький, с такими, сказала, легче всего – сунул в коляску да и гуляй себе, дыши воздухом.

Да, ничего не поделаешь, надо идти на прогулку, а потом она скажет, что нужно взять одежду из дома, и только эта Изольда ее и видела. А Аньке она выскажет все, что о ней думает, если та попробует на нее наехать.

Ксения схватила коляску и повернула к лестнице.

Лифта в этом доме не было, и на лестнице ничего не предусмотрено, чтобы коляску катить. Хорошо, что ступени пологие.

С грехом пополам она скатила коляску до второго этажа, потом еще один пролет, и там увидел ее охранник.

– Что – наняли? – вроде бы удивился он, но Ксения так замучилась, удерживая коляску, что даже не ответила.

Тут до парня дошло, что хорошо бы помочь, а возможно, это входило в его обязанности, во всяком случае, он выбрался из своего угла и подхватил коляску.

– Спасибо тебе! – Ксения наконец перевела дух.

– Вообще-то жильцы весь детский транспорт в кладовке под лестницей оставляют, – он махнул рукой в угол, – а Изольда почему-то коляску наверх забирает. Ну, ей-то не таскать…

Он открыл ей двери и постоял еще на улице, глядя вслед.

Ксения перешла улицу и повернула к воротам парка. Ребенок в коляске лежал тихонько, и она немного успокоилась. В общем, никто ее не заставлял силой, могла не соглашаться. Но Анька пристала, как смола, не хотелось портить отношения.

Они с Анькой снимали квартиру вместе всего пару недель. Нашли друг друга в Интернете.

Вроде бы неплохая девица эта Анька, Ксении показалось, что они поладят. Работала Анна няней, в данный момент как раз искала работу. Не хотела с проживанием – так, говорила, потихоньку все на тебя повесят – и ребенка, и уборку, и готовку, да еще хозяин на последнем месте работы приставать начал. Она бы и не против – мужик небедный, подарки бы дарил хорошие, но жена его прямо озверела, чуть с кулаками на Аньку не набросилась.

А если тебе так муж дорог, то не пускай никого в квартиру, сама со своим ребенком сиди, верно ведь?

В общем, наняли они старушенцию лет под семьдесят, а Аньку выгнали.

Так что Анька решила, что с проживанием няней ни за что больше не пойдет, и сняла квартиру. А пока обратилась в несколько агентств по найму. И в одном ей нашли работенку, вроде бы подходящую, но с испытательным сроком.

А потом обещали хорошие деньги, так что Анька старалась, как могла.

И тут позвонили из другого агентства – срочно нужна няня, приходите на собеседование.

А она никак не может. И отказаться тоже нельзя – агентство может включить ее в черный список, они ведь тоже просто так не работают, они должны свою репутацию беречь, не то клиенты обращаться не станут.

А вдруг у нее, Ани, с той работой ничего не выйдет и снова придется что-то искать?

В общем, накануне вечером все это она Ксении изложила, съев за разговором полпиццы, за телефон все хваталась, а потом Ксения спать пошла.

Потому что вставала она всегда рано, независимо от того, где жила и с кем, работала или нет.

И сегодня встала она, как обычно, без четверти семь, надела спортивный костюм и кроссовки и отправилась на пробежку.

Погода сегодня хорошая, прохладно, зато дождя нет, впрочем, Ксения бегает в любую погоду.

Маршрут обычный – обогнуть дом, потом через двор по дорожке, затем пробежать мимо гаражей, проскочить переулок и в проход между шестиэтажными домами, а там через сквер, где листва с деревьев еще не полностью облетела. Из сквера выбежать на проспект, перейти дорогу, а там возле супермаркета, как раз в полвосьмого, открывается ларек с газетами и журналами.

Ксения купила там рекламную газету, как и всегда, сунула ее в карман и побежала домой.

Снова по проспекту, потом через сквер, только выйти в другие ворота, проскочить переулок и подойти к дому с другой стороны.

Сегодня утром Ксения удивилась, что Аня уже встала. Обычно ей на работу к десяти, так что она вскакивает в девять, в панике мечется по квартире, чертыхаясь, а то и чего похлеще выскажет. И убегает злая, оттого что не евши.

Сегодня же Ксению встретил запах свежезаваренного кофе, и вчерашнюю пиццу Анна подогрела.

У себя в комнате Ксения переоделась и просмотрела газету. Быстро пролистала предложения работы и знакомств и остановилась в части «Разное», там, где были объявления «Продам комод девятнадцатого века в хорошем состоянии, смотреть после 19.00». Или: «Куплю набор виниловых пластинок с записями Изабеллы Юрьевой».

Среди этих объявлений не было того, что ей нужно.

– Ну что, опять мимо? – Анна поймала ее в дверях.

Ксения помотала головой и прошла на кухню.

– Ты что сегодня так рано, хочешь до работы еще на собеседование успеть?

– В том-то и дело… – вздохнула Аня, – слушай, тут вот какое дело…

И она быстро протараторила свое предложение. Или просьбу, как хочешь.

Значит, Ксения идет на собеседование вместо нее, покажет ее паспорт, там ничего и не заподозрят, потому что они похожи. Обе примерно одного возраста, обе блондинки с длинными прямыми волосами. Ну, глаза там, нос – это не так важно, по фотографии в паспорте все равно непонятно.

– Значит, показываешь паспорт и притворяешься полной дурой! – Анька сыпала словами, как горохом. – Рекомендаций у тебя нету, так что они сами откажутся. И позвонят в агентство, что я им не подхожу! А мне только того и надо, как только пройдет испытательный срок, я им отбой дам, чтобы больше ничего не искали. Ну, Ксюха, соглашайся! Все равно ведь у тебя сейчас ничего на примете нету, а времени свободного навалом! Просто съездить туда и поговорить.

– А если они меня возьмут? – возражала Ксения. – Какая из меня няня? Я ведь понятия не имею, как с детьми обращаться! Я детей вообще боюсь, особенно совсем маленьких!

– Да не возьмут! – отмахивалась Анька. – За это не беспокойся! Судя по всему, семейка небедная, раз в таком месте живут, а уж эти без рекомендаций и говорить не станут! Так что задача у тебя самая простая: хозяевам не понравиться. Можешь мужу глазки строить, а жене хамить. Урони там что-нибудь не очень ценное, только не разбивай, а то они в агентство нажалуются, с меня вычтут.

И Ксения согласилась, чтобы Анька отвязалась. Не то она станет дуться и вредничать, присматриваться к Ксении, к тому, чем она на самом деле занята.

В общем, как в старом анекдоте: легче уступить, чем объяснить, что не хочешь.

И что вышло? Да все не так, как Анна говорила! Сразу же подсунули ей ребенка гулять! Ничего не спросили толком, только паспорт эта Изольда проглядела. Какие там рекомендации…

Но все же отдать ребенка первой встречной…

Во всяком случае, она, Ксения, так бы не поступила. Но у нее детей нет. Но все же… Ведь даже номера телефона ей не дали, а вдруг что с ребеночком случится? Маленький ведь совсем.

Тут Ксения хватилась своего телефона и вспомнила, что он остался там, в квартире.

Ладно, Изольда сказала, что придет в парк, наверное, там и планировала поговорить. А Ксения ей прямо скажет, что работа ей не подходит, и уйдет.

Она подошла к воротам сада и покатила коляску по усыпанной осенними листьями аллее.

Людей в саду было по дневному времени немного.

Ксения медленно шла, наслаждаясь последним осенним солнышком.

Вдруг ребенок закряхтел, а потом заплакал тоненьким жалобным голоском. Тоненький горестный писк чередовался с тихим поскрипыванием.

– Ну, что ты? – пробормотала Ксения растерянно. – Что ты плачешь? Что случилось?

Она понятия не имела, как полагается успокаивать плачущих детей. Вот ведь подсиропила ей Анька!

Наклонилась над коляской. Личико ребенка сморщилось, как печеное яблочко, глазки были закрыты, он плакал все громче и громче.

Ксения поискала соску-пустышку или бутылочку с водой, может, он пить хочет? И увидела сбоку на одеяльце погремушку – желтого пластмассового медвежонка на красной ручке. Она взяла его и потрясла.

– Агу! Агу! У-тю-тюшеньки! Какой у нас Миша…

Плач прервался, ребенок заинтересованно замолчал, приоткрыл мутно-голубые глазки и уставился перед собой, словно пытаясь найти источник нового звука.

– Ну вот, все хорошо, все хорошо! – проворковала Ксения и покатила коляску дальше по аллее.

Впереди на аллее трое подростков лениво перебрасывались большим оранжевым мячом.

Ксения поравнялась с ними, и тут мяч полетел ей прямо в лицо.

От неожиданности Ксения зажмурилась. Лицо обожгло, мяч упал, покатился по дорожке.

– Черт, вы что творите… – растерянно пробормотала Ксения, дотронулась до лица.

Щека была в грязи. На глазах выступили слезы – не столько от боли, сколько от обиды.

– Ох, ну что они делают! – раздался рядом сочувственный голос. – Никакого воспитания! Девочка, на салфетку, вытри лицо! Антибактериальная!

Рядом стояла женщина лет пятидесяти, в красном берете, лихо заломленном на одну сторону, она протягивала Ксении сложенную салфетку.

Ксения хотела по привычке отказаться, взять свои, но осознала, что салфетки тоже остались в сумке.

– Бери, бери… – сказала женщина, – хоть грязь оботри, а то смотреть страшно, чумичка такая… Надо же, паршивцы какие, совсем не смотрят, куда мяч пуляют…

Ксения односложно поблагодарила ее, взяла влажную салфетку, обтерла лицо. Еще раз поблагодарила и завертела головой в поисках урны, куда можно выкинуть использованную салфетку, – и тут до нее дошел немыслимый, невероятный факт.

Коляски рядом с ней не было.

Пока она заслонялась от мяча, пока вытирала лицо, коляска куда-то исчезла. Надо же, всего на минуту выпустила из рук ручку, даже меньше, чем на минуту, и вот…

Ксения вскрикнула, повернулась к женщине в красном берете в непонятной, несбыточной надежде, что та как-то объяснит ей, куда девалась коляска, ведь она стояла рядом и должна была все видеть – но и женщины не было, она пропала в неизвестном направлении.

Пропали и мальчишки, и даже оранжевого мяча не было. Вообще на аллее не было ни души.

Ксения застыла в ужасе.

Как такое возможно?

И что теперь с ней будет?

Ей доверили ребенка, чужого ребенка – и она за ним не уследила!

Она бросилась вперед, к перекрестку аллей, посмотрела в одну сторону, в другую – но там никого не было. Ни коляски, ни женщины в берете – вообще ни души. Пропали и мальчишки с мячом, да были ли они? Ксения уже ни в чем не была уверена.

Ей казалось, что аллея, усыпанная палой листвой, вдруг закачалась, как будто Ксения стоит на палубе корабля.

Она бросилась назад, туда, где от аллеи отходила дорожка поуже, и увидела там, метрах в двадцати от поворота, человека в оранжевом жилете, который методично сгребал палые листья веерными граблями. Он был невысокий, очень худой, немного сутулый, с загорелым до черноты лицом и жесткими черными волосами.

Ксения хотела подойти к нему, спросить, не видел ли он коляску, но что-то ее остановило.

В облике этого человека было что-то тревожное, опасное, подозрительное, хотя на первый взгляд он казался невзрачным и хлипким.

Рабочий сгреб листья в кучу, подхватил их и высыпал в большую тачку. При этом тачка опрокинулась, он наклонился и поднял ее удивительно легко, как будто она ничего не весила. Значит, его хрупкость обманчива…

Тут в другом конце аллеи Ксения увидела молодую женщину с коляской.

Забыв про гастарбайтера, Ксения бросилась к ней, но уже на полпути увидела, что коляска совсем не того цвета.

Тем не менее добежала, отстранив мать, заглянула в коляску – но там лежал ребенок намного старше, и вообще, судя по всему, девочка.

– Эй, ты что творишь?! – вскрикнула мамаша и оттолкнула Ксению. – Ты что, с ума сошла? Отвали от моего ребенка!

– Извини… извините… – забормотала Ксения виноватым, несчастным голосом. – Вы не видели здесь поблизости женщину с коляской… лет пятьдесят… в красном берете…

Сказав такое, Ксения сразу поняла, что спрашивает не то. Ведь та женщина была все время рядом с ней, на виду, она никак не могла украсть коляску. Значит, это сделал кто-то другой…

Неужели те трое с мячом? Да зачем им…

– Свекровь? – с неожиданным сочувствием проговорила молодая мать. – Нет, не видела…

Ксения еще раз извинилась, развернулась и бросилась к тому месту, где пропала коляска. У нее была ни на чем не основанная надежда, что вот сейчас она прибежит туда – а коляска стоит на прежнем месте…

Но нет, чуда не случилось.

Коляски не было. И вокруг по-прежнему не было ни души.

У Ксении возникло вдруг такое чувство, будто она спит и ей снится страшный сон. Нужно только проснуться, и все кончится, все будет хорошо… ну, почти хорошо.

Она закрыла глаза, зажмурила их что есть силы, а потом снова открыла – но ничего не изменилось. Страшный сон не кончился.

Коляски не было.

С деревьев медленно, беззвучно падали желтые, коричневые, красные листья, покрывали землю драгоценным ковром. Природа жила по своим законам, ей не было дела до Ксении и ее проблем.

Ксения снова обошла, точнее, сломя голову обежала тот край сада, где совсем недавно гуляла с коляской. И снова ничего не нашла. Ничего и никого.

Она свернула на боковую аллею и увидела впереди белый садовый павильон.

Тут у нее в голове прозвучал резкий, каркающий голос Изольды Михайловны:

«Там, справа от входа в сад, павильон, жди меня около него через час!..»

И тут же сбоку от павильона Ксения увидела огромную ворону с пыльными растрепанными крыльями…

Ксения моргнула – и осознала свою ошибку.

Никакая это была не ворона, это была высокая, худая женщина в черном расстегнутом плаще, полы которого распахнулись на ветру, как вороньи крылья. Короткие черные волосы, глубоко посаженные черные глаза – Изольда Михайловна собственной персоной. Как говорится, кто раз увидит – не забудет никогда.

Ксения шла к ней медленно, неохотно, как будто к ее ногам были привязаны чугунные гири. Шла, опустив глаза в землю.

Изольда метнулась навстречу, глаза вспыхнули нехорошим черным пламенем.

– Что?! – каркнула она, вертя головой. – Где?! Где мой внук?! Куда ты его дела?!

– Я… я не знаю… – жалким, несчастным голосом пролепетала Ксения. – Я на секунду закрыла глаза, а коляска исчезла…

– Что?! Что?! Как?! Что значит – исчезла? – Изольда налетела, вцепилась в плечо Ксении когтистой лапой – костлявой рукой, встряхнула девушку. Плечо Ксении пронзила боль. – Что ты несешь?! Что значит – исчезла?! Да я тебя сотру в порошок! Я тебя засажу на двадцать лет! До конца жизни! Я тебя своими руками разорву на куски! Ты пожалеешь, что родилась на свет!

Ксения подняла на нее глаза, и на какое-то мгновение перехватила ее взгляд. И в этом взгляде прочитала что-то неправильное, не соответствующее моменту.

Гнев, конечно. Ненависть, разумеется. Ярость, само собой. Но еще и плохо скрытое торжество, злобное удовлетворение – Изольда Михайловна как будто чему-то радовалась. Как будто события развивались по плану. По ее собственному плану.

В следующую долю секунды это выражение исчезло, сменилось обычной злостью.

– Я не виновата! – пролепетала Ксения. – Я не понимаю, как это произошло…

– Заткнись! – оборвала ее Изольда. – В полиции будешь оправдываться, а мне твои оправдания на фиг не нужны!

В полиции? Ксения похолодела. Еще не хватало ей только полиции! Что она там скажет, когда они поймут, что паспорт не ее? Уж не полные дураки там сидят, живо разглядят фотографию! Придется сдавать им Аньку, и у нее работа накроется медным тазом.

Господи, да о чем Ксения думает, когда ребенок пропал? Ее же обвинят в похищении! Эта сволочь Изольда грозилась же, что посадит ее на двадцать лет! Ну, это вряд ли… Но все же никак нельзя доводить дело до полиции.

– Послушайте… – как можно тверже начала Ксения.

– Заткнись! – резко перебила ее Изольда. – Она еще будет тут выступать!

И тут ее взгляд неожиданно изменился. В нем проступило искреннее удивление.

Округлив темные глаза, она смотрела на что-то, расположенное за спиной Ксении.

Удивление это было таким сильным, что Ксения не выдержала и повернулась, посмотрела в ту же сторону.

И увидела в конце дорожки, шагах в двадцати от себя, коляску.

Ту самую коляску, которую всего час назад прикатила в сад, ту самую, которую безуспешно искала последние полчаса.

Она бросилась к этой коляске, но Изольда Михайловна опередила ее, казалось, она перелетела к коляске на черных крыльях своего расстегнутого плаща, склонилась над ней, как хищная птица над жертвой.

Ксения подбежала следом, заглянула в коляску – и в первый момент испытала немыслимое облегчение: ребенок был на месте, он спокойно лежал, закрыв глазки, и вроде бы спокойно спал.

– Слава богу… – пролепетала Ксения – и глубоко, облегченно вздохнула.

Только теперь она осознала, что последние полчаса едва дышала, как будто кто-то ударил ее кулаком в солнечное сплетение. От недостатка воздуха у нее уже начало темнеть в глазах.

– Твое счастье! – прокаркала Изольда, подняв на нее темные глаза. – Так и быть, живи! Но чтобы я тебя больше не видела!

Ксения снова вздохнула – и снова взглянула на ребенка, как будто боялась, что он опять исчезнет.

И тут она увидела… Очевидно, от встряски или от громкого каркающего голоса Изольды Михайловны ребенок проснулся. И открыл глазки. Глаза были не мутно-голубые, бессмысленные, как почти у всех младенцев, нет, у этого ребенка глаза были темные и яркие, как спелая вишня. И еще свет, они излучали темный же свет, как будто тусклый багровый огонь полыхал внутри.

Ксения вдруг явственно поняла, что это был не тот ребенок. Не тот маленький мальчик, которого выдали ей буквально час назад.

Коляска была та же самая, и одеяльце, и синий нарядный трикотажный костюмчик, и вязаная голубая шапочка, из-под которой выглядывал край кружевного чепчика, – все было прежнее или точно такое же, как прежде.

Но сам ребенок был другим.

Обостренным зрением Ксения увидела другие щечки, другие пальчики, самое главное – другое выражение глаз… да и сами глаза… все дело было в глазах, которые никак не подходили такому маленькому ребенку.

– Он не тот, – вполголоса проговорила Ксения.

– Что? – Изольда Михайловна удивленно взглянула на нее. – О чем это ты?

И опять-таки сильно обострившимся слухом Ксения уловила, что удивление ее наигранное, проще говоря – фальшивое.

– О ребенке. Это не тот ребенок.

– Да что ты несешь? – В голосе и в глазах Изольды снова вскипела злоба. – Что ты мелешь? Кто ты такая? Это мой внук, уж я-то его узнаю где угодно и когда угодно, а ты его пять минут видела!

Вот именно, сейчас она будет твердить о своей любви к внуку, а сама доверила его женщине, которую видела всего пять минут! И то не на Ксению смотрела, а на паспорт.

Ксения сглотнула и снова взглянула на малыша.

Она не сомневалась – это был другой ребенок. Того же возраста, такого же телосложения – но другой. Как может не видеть этого Изольда Михайловна, его родная бабушка?

Ксения еще раз оглядела коляску – та же самая одежда, то же самое одеяльце, погремушка…

А вот как раз погремушка была не та. Совершенно другая погремушка.

Раньше в коляске лежал желтый пластмассовый мишка на красной ручке, самая обычная, копеечная игрушка – а теперь поверх одеяльца валялась странная вещица, необычная игрушка, рогатая бычья голова из странного тускло-серого металла, на короткой ручке. Немного потертая, как будто старая… антикварная, что ли?

Ксении показалось, что эта игрушка слишком тяжела для грудного ребенка, но тут малыш, словно почувствовав ее интерес, потянулся к новой игрушке, схватил ее за ручку и легко, безо всякого усилия поднял. Поднял и легонько потряс… очень ловко, пожалуй, слишком ловко для такого младенца. Во всяком случае, ту, легкую с медвежонком, он и взять не мог еще…

Впрочем, что Ксения знает о младенцах? Своего у нее никогда не было, да и будет ли?

Но эти мысли отступили на задний план, потому что она услышала странный звук.

Эта игрушка, эта бычья голова тоже была погремушкой, но звук, который она издавала, ничуть не был похож на звук обычной погремушки, того же пластмассового медвежонка. Это был странный, завораживающий стрекот, как будто внутри погремушки стрекотали десятки кузнечиков. Жуткий, гипнотический стрекот.

От этого странного звука Ксения как будто окаменела.

К счастью, звук тут же смолк, ребенок перестал трясти погремушку, утратил к ней интерес. И даже прикрыл глаза.

Ксения с трудом сбросила оцепенение, перевела взгляд на Изольду Михайловну.

Та смотрела не на ребенка, она, склонив голову к плечу, смотрела на нее, на Ксению, с таким выражением лица, как будто хотела наброситься на нее.

– Что ты несешь? – повторила она с ненавистью. – Надо же – «не тот»! Убирайся прочь! Чтобы я больше тебя не видела!

– Но… – пробормотала Ксения.

– Никаких «но»! – каркнула Изольда и покатила коляску к выходу из сада. – Ты что – надеешься, что я тебе что-то заплачу? Радуйся, что не сядешь в тюрьму! Пошла вон!

– Но моя сумка… мой паспорт!

Но Изольда Михайловна ее больше не слышала, она удивительно быстро для своего возраста шла к выходу из сада, почти бежала, катя перед собой коляску.

Ксения поспешила за ней.

Что это такое, в самом деле? Что бы там ни было, что бы ни случилось, она должна получить обратно свою сумку! В первую очередь Анькин паспорт…

Вот черт бы ее побрал с ее паспортом! Придешь, поговоришь и уйдешь, легче легкого…

Нет, ну, и подсуропила же ей Анна!

Уже подходя к воротам сада, Ксения заметила на дорожке какой-то серебристый предмет. Скосила на него взгляд – и увидела игрушку, бычью голову на ручке.

Ну да, это же та странная погремушка, которая появилась в коляске после ее неожиданного появления… должно быть, ребенок ее выбросил, а эта ведьма в спешке не заметила…

Ксения машинально наклонилась, подняла необычную погремушку и сунула к себе в карман. И прибавила шагу, пытаясь догнать Изольду Михайловну.

Та уже переходила дорогу, направляясь к своему подъезду.

Ксения почти перешла на бег, но все равно отстала, и Изольда с коляской скрылась в подъезде.

Торопливо подойдя к подъезду, Ксения снова, как в первый раз, нажала на кнопку звонка и подняла голову к камере.

Как в первый раз… как же давно это было! А прошло всего чуть больше часа…

– Кто такая? – снова, как в первый раз, проквакала камера.

– Это же я! – возмущенно проговорила Ксения. – В пятую квартиру! Я же недавно приходила!

– Не велено! – отрезал охранник.

– Но мне нужно! – повторила Ксения.

– Мало ли что нужно, а теперь не велено! – Камера щелкнула и замолчала.

Ксения снова позвонила.

– Что еще? – прозвучало из камеры. – Я же тебе ясно сказал – не велено пускать!

– Но у них осталась моя сумка! И паспорт! Я не уйду, пока мне все не вернут! Вот буду тут стоять хоть до вечера! – Ксения стукнула ногой по двери и с удовлетворением заметила на ней грязный след от своего ботинка.

Ну да, в Таврическом саду сыро, осень все-таки.

– Ты не хулигань там! – квакнула камера, и Ксения скорчила ей страшную рожу. – Ладно уж, сейчас позвоню в квартиру…

– Ну, пусти меня хоть в подъезд – а то что я торчу на крыльце, у тебя же потом неприятности будут!

– А тебе что за дело до моих неприятностей? – Однако замок щелкнул и открылся.

Ксения вошла внутрь, остановилась посреди холла.

Охранник смотрел в стол, делая вид, что не замечает ее. Потом все же не выдержал, поднял глаза и вполголоса произнес:

– Я же тебе говорил, что Изольда – гроза морей и океанов! А ты не прислушалась к умному совету…

– А что мне делать-то? – Ксения пригорюнилась. – Работа-то мне нужна…

Хотелось послать этого толстяка подальше, но она решила не ссориться, пока сумку не получит.

– Ну, ты прямо рекорд поставила! – хмыкнул охранник. – Всего час у них отработала, и тю-тю… прежняя няня хоть несколько дней продержалась…

– А тебе до всего дело! – фыркнула Ксения и посмотрела на часы. – Ты им позвонил? Сказал, что я жду?

– Позвонил, позвонил!

В это время наверху хлопнула дверь, и на лестнице послышались приближающиеся шаги.

Ксения втянула голову в плечи – вдруг это сама Изольда Михайловна…

Но на лестнице показалась женщина в темном платье и крахмальном переднике – экономка, поняла Ксения с облегчением.

Экономка спустилась, боязливо покосилась на охранника, протянула Ксении сумку:

– Вот твое…

– Паспорт там? – сухо осведомилась Ксения.

– Проверь!

Ксения открыла сумку, заглянула внутрь, нашла паспорт.

Экономка развернулась, шагнула к лестнице.

И тут Ксения не выдержала, окликнула ее:

– Постойте!

Женщина вздрогнула, обернулась, проговорила вполголоса:

– Мне с тобой не велено разговаривать!

– С ребенком что-то не то! – выпалила Ксения.

– Чего?! – переспросила экономка удивленно.

– С ним что-то не то! – упрямо повторила Ксения.

– Вот что, – экономка вернулась на шаг, пристально взглянула на девушку. – Уходи-ка ты отсюда, пока не ввязалась в большие неприятности! Уходи!

С этими словами она снова развернулась и с удивительной прытью взбежала по лестнице.

Охранник тянул шею из своего угла, пытаясь, очевидно, расслышать разговор.

– Может, тебе такси вызвать?

– Да пошел ты! – Ксения отмахнулась, выскочила из подъезда и направилась к остановке.

И только на полпути к ней вспомнила, что забыла отдать странную погремушку.

Ну и бог с ней, не возвращаться же из-за такой ерунды в тот дом. Ей этого уже хватило.

Да уж, попала она в историю. Но с другой стороны, что-то подсказывало ей, что продолжения у этой истории не будет. Не станет эта ведьма Изольда заявлять в полицию и никому не расскажет про то, что ребенка сначала похитили, а потом вернули. Ведь это точно было похищение, теперь-то Ксения понимает. Ведь она обежала едва не половину парка и не видела нигде коляски. А потом та появилась как будто из воздуха. И ребенок…

Но, в конце концов, черт с ними со всеми! Она больше никогда не увидит эту семейку. Но Аньке она все выскажет. В такое влипла по ее милости…

И Ксения схватилась за мобильник. Только бы не разрядился!

С мобильником было все в порядке, но, пока Ксения искала его в сумке, она хватилась ключей.

Вот именно, ключей от квартиры не было ни в одном кармашке, ни в другом. Они не лежали на дне сумки и не завалились за подкладку.

Ксения попыталась сосредоточиться и вспомнить, когда видела ключи в последний раз.

Выходило, что вчера вечером. А утром… утром Анька стояла над душой, она даже на работу пошла позже, только чтобы Ксению выпихнуть из дома.

И вот Ксения точно помнит, что дверь за ней закрывала Анна, так что вполне могла она ключи оставить дома.

Что ж, это наилучший вариант, не придется менять замки и не будет тогда проблем с хозяйкой. Но сейчас-то что делать?

И Ксения схватилась за телефон.

Анна ответила не сразу, голос у нее был запыхавшийся, и слышались в трубке детские крики.

– Что? – проорала Анька. – Как все прошло?

– Хуже некуда, – честно ответила Ксения.

– Выгнали, ну, и хорошо, – не слушая, говорила Анька.

– Не-а, не выгнали, взяли на работу! – Ксения и так была на взводе, а тут еще больше разозлилась.

– Ты что, ты что? – до Аньки дошло. – Я же велела отмазаться!

– Ты велела? – теперь уж Ксения заорала так громко, что встречная женщина с пуделем на поводке вздрогнула и схватилась за сердце. А ее пудель шарахнулся в сторону и спрятался за урну с мусором.

– Она велела! – продолжала Ксения, понизив все же голос. – Да ты меня так подставила!

– Да что случилось? Тебя побили, что ли?

– Хуже! – злорадно ответила Ксения. – Едва в полицию не сдали. По твоему, между прочим, паспорту.

– Ксюха, ты меня разыгрываешь? – По голосу было слышно, что Анька испугалась. – Это у тебя шутки такие? Да скажи же толком!

– Долго объяснять. – У Ксении пропал кураж, она почувствовала вдруг ужасную усталость. – Вот что, я ключи дома забыла. И до вечера болтаться по городу не

собираюсь. Так что приезжай в квартиру.

– Я не могу… – заныла Анька, – я же на работе…

– Знаешь что? – снова заорала Ксения, и до Аньки наконец дошло, что соседка ее в крайней степени ярости и что, видно, случилась с ней и впрямь большая неприятность, а виновата в этом она, Анна.

– Ладно, отпрошусь с обеда, – сообщила она, – к трем буду дома.

Ксения взглянула на время – и всего-то первый час, а кажется, что она уже целый день тут бегает.

– Не опаздывай! – проворчала она, но Анька уже отсоединилась.

Ксения села в первую попавшуюся маршрутку, потому что ей хотелось поскорее уйти из этого района. И позабыть все случившееся, как страшный сон. Но, однако, этот ребенок… она же не сошла с ума, ребенок был явно не тот…

Усилием воли она отогнала от себя воспоминания и осознала, что едет совсем не в ту сторону.

Пересела на другую маршрутку, поехала к дому, но вспомнила, что Анна явится только к трем.

Что ж, у нее есть два с половиной часа, чтобы расслабиться.

Она попросила остановиться у торгового центра, поболталась по магазинам, долго пила кофе, ни о чем не думая.

В конце концов спохватилась, что Анна, наверное, ее уже ждет. Ничего, это ей за то, что устроила Ксении такую подлянку. Хотя она, конечно, не знала, что так будет, но незнание не освобождает от ответственности.

Ксения уже подходила к своему дому, когда дверь подъезда открылась. На улицу выскользнула рыжая такса, за ней едва поспевал долговязый мужчина со второго этажа.

Ксения прибавила шагу, чтобы проскочить в подъезд, пока не закрылась дверь. Мужчина поздоровался, вежливо придержал дверь. Узнал, поскольку они сталкивались по утрам, когда Ксения бегала, а он выгуливал свою таксу.

Войдя в подъезд, Ксения направилась к лифту.

Сверху послышались быстро приближающиеся шаги.

Отчего-то у Ксении екнуло сердце, она отступила в темный угол площадки.

На лестнице появился невысокий, худощавый человек с загорелым до черноты лицом и жесткими черными волосами. Он казался хрупким, но хрупкость эта была обманчивой…

И тут Ксения узнала его.

Это был тот самый человек, который сгребал листья в Таврическом саду, когда она искала пропавшую коляску. Только тогда на нем был приметный оранжевый жилет, а сейчас – неказистая серая куртка с капюшоном. Но все повадки, поворот головы… У нее тогда отпечатались в памяти все вроде бы незначащие мелочи.

Ксения отчего-то испугалась, спряталась в нише за лифтом, затаила дыхание.

Загорелый тип оглянулся, словно почувствовал ее взгляд, опустил капюшон, ссутулился и вышел из подъезда.

Вот интересно, что он здесь делал? Вообще, как он здесь оказался – в другом конце города?

Впрочем, бывают самые странные совпадения. Как говорится, город у нас маленький. Может быть, он нашел в этом доме какую-нибудь работу… или здесь снимает жилье кто-нибудь из его родни – у восточных людей всегда много

родственников…

Ксения выбросила странного гастарбайтера из головы, поднялась на восьмой этаж, позвонила в дверь квартиры.

Анна не открывала.

– Да что она там, заснула, что ли… знает же, что у меня нет ключей… – пробормотала Ксения и позвонила еще раз.

Неужели Анька не пришла и ей придется торчать у двери до самого вечера?

Тут она услышала, что из-за двери доносится какой-то странный звук.

Она снова позвонила, потом нетерпеливо ударила в дверь кулаком – и тут с удивлением заметила, что дверь не заперта, только неплотно прикрыта. Анна нарочно оставила, что ли…

Отчего-то екнуло сердце.

Ксения толкнула дверь, вошла в прихожую и только теперь поняла, что за звук слышала с лестницы.

Это на кухне заливался истеричным свистом чайник.

Она давно убеждала Анну купить обычный электрический чайник, но та отчего-то упиралась.

«Вот сломается этот, – говорила, – тогда и купим, а пока пускай свистит».

– Анка, твой чайник выкипает! – крикнула Ксения в глубину квартиры, но Анна не отозвалась.

– Черт знает что… – проворчала Ксения и прошла на кухню.

Чайник и правда почти выкипел.

Ксения сняла его с плиты, покачала головой. На этот раз обошлось, но доиграется Анька когда-нибудь, еще квартиру спалит, вот уж хозяйка обрадуется…

Она снова вышла в прихожую.

– Анка, ты что, заснула? У тебя чайник чуть не сгорел!

Соседка по-прежнему не отвечала.

Ксения ощутила какое-то беспокойство.

Она постучала в дверь Анкиной комнаты, но та не отозвалась. Это они так договорились с самого начала – без стука друг к другу не соваться. И если никого нет – тоже в комнату не заходить. Анна тогда согласилась, за то Ксения ее и оценила.

Но сейчас совершенно другой случай.

Ксения открыла дверь, заглянула в комнату…

В комнате был обычный беспорядок, но Анны не было.

Но ведь она должна быть дома! Дверь открыта, чайник кипел…

Тут наконец Ксения поняла, что соседка наверняка в ванной. Ушла туда и забыла про чайник и про открытую дверь…

Она опять вернулась в коридор, подошла к двери ванной.

Из-под этой двери узкой полоской пробивался свет, но не доносилось ни звука.

– Анька, ты здесь? – проговорила Ксения отчего-то негромко.

Ей стало вдруг страшно, хотя, казалось бы, для страха не было никаких реальных причин.

Анна и на этот раз не отозвалась.

Ксения повернула ручку двери. Дверь была не заперта, Анька никогда не запиралась.

Кого стесняться, говорила, чего бояться, все свои!

Свет в ванной горел, но Анны не было. Хотя пластиковая занавеска в тропических рыбах была задернута.

Значит, она за занавеской… может быть, легла в ванну и заснула…

– Анька, ты что? – испуганно проговорила Ксения – и отдернула занавеску…

И с трудом сдержала крик.

В пустой, без воды, ванне лежала женщина. Она была одета, глаза ее были широко открыты, даже выпучены, рот тоже открыт в беззвучном крике, лицо неестественного багрово-синюшного цвета.

В первый момент у Ксении возникла чудовищная, дикая, несообразная мысль. Ей показалось, что это она, она сама лежит в пустой ванне, выпучив глаза и открыв рот в немом крике.

– Ты что… – повторила Ксения и зажала ладонью рот – в ванной нельзя кричать, здесь очень хорошая слышимость.

Она наконец поняла очевидное. Поняла то, что ее сознание отказывалось принять.

Женщина в ванне была ее соседка, Анна. Анька. Анюта. И она, несомненно, была мертва. Убита. Задушена. Об этом говорило все – и жуткий цвет лица, и выпученные, бессмысленные, пустые глаза, и разинутый в немом крике рот.

И, наконец, узкая багровая полоса на шее… откуда-то в памяти всплыло название – странгуляционная борозда.

Ксения подавила первый порыв выскочить на лестницу и взывать о помощи.

Никто ее не услышит, а если и услышат – все равно не выйдут. Сдержалась она и когда захотелось визжать и биться головой о стену. Тут-то как раз услышат и по трубе постучат, но все равно не помогут.

Ксения сползла по стене на пол и несколько минут сидела так, пытаясь прийти в себя и осознать происшедшее.

Наконец это ей почти удалось.

Кто-то проник в квартиру, задушил Анну и втащил ее в пустую ванну…

Причем произошло это только что, всего несколько минут назад – ведь чайник, который сама Анна поставила на плиту, еще не успел до конца выкипеть…

Значит, она, Ксения, буквально на несколько минут разминулась с убийцей.

Тут перед ней возник человек с загорелым до черноты лицом, который только что спустился по лестнице.

Она вспомнила его настороженный взгляд, его скрытую, не бросающуюся в глаза силу…

Так. Несомненно, это он, тот самый человек из Таврического сада.

Но неужели это он – убийца?

«Очень может быть, – тут же сказала себе Ксения, – больше просто некому. Никого она больше не видела в подъезде. Но почему?»

Кому могла помешать Анька, обычная девица, работающая няней? Что она могла натворить?…

И тут же Ксения поняла, что это не Анну хотели убить, а ее. Убийца просто перепутал, они ведь с Анькой похожи. Волосы светлые длинные, фигуры, даже размер один, Анька еще говорила, что шмотками меняться можно.

Уже нельзя.

Не случайно, увидев Аньку в ванне, она в первый момент приняла ее за саму себя… Потому что даже джемперок на Ане ее, Ксюшин. Уходила сегодня позже, не выдержала, надела без спроса…

Анька, Анька, ну как же так, зачем ты впустила его в квартиру… Вроде бы не вчера родилась, успела тебя жизнь научить, что открывать никому нельзя…

И тут с нарастающим ужасом Ксения осознала, что не впускала Анька никого в квартиру, что убийца сам открыл дверь ключами.

Ключами, которые были у нее, Ксении, в сумке. А потом пропали, не смогла она их найти.

Ксения сорвалась с места и побежала в прихожую. Только там она могла оставить ключи – на хлипком столике, куда едва помещались две сумки – ее и Анина. Еще в прихожей была галошница и видавшая виды простая вешалка.

Ключей нигде не было, она даже галошницу отодвинула и перетрясла всю обувь.

Вторые ключи нашлись у Ани в сумке.

Отчего же убийца не бросил в квартире те, первые?

Да побоялся, наверное, что отпечатки останутся. А дверь не закрыл, потому что замок заедает, долго возиться приходится.

Говорила Аня хозяйке, что менять замок нужно, а той денег жалко.

Ксения побрела на кухню и напилась воды прямо из чайника, который за это время успел уже остыть.

Затем села за стол, обхватила голову руками и затихла.

Что произошло – ясно, или почти ясно. Но теперь возникает другой, гораздо более важный вопрос – что ей теперь делать?

Вызвать полицию? Казалось бы, самое правильное решение, тут и думать нечего.

Ксения представила, как приезжает патруль, как менты смотрят на нее с подозрением, как она оправдывается, что временно без работы, как спрашивают про Анину жизнь, а она и не может ничего сказать, потому что они знакомы всего две недели. А если рассказать им про то, что убить хотели ее, Ксению…

Нет, это неприемлемо, к тому же ей просто никто не поверит.

Или просто сбежать отсюда, немедленно сбежать из этой квартиры, собрав свои немногочисленные пожитки, снять другую квартиру и затаиться, залечь на дно? И бросить тело Анны как есть…

Через некоторое время соседи почувствуют запах, кто-то позвонит хозяйке, или она сама наведается…

Да, будет грандиозный шум, хозяйку замучают допросами, на которых может кое-что выясниться…

К сожалению, ни тот, ни другой вариант Ксении совершенно не подходит.

Вызывать полицию никак нельзя – ей нельзя привлекать к себе чье-то внимание, особенно внимание полицейских. Она не в том положении. Ей нужно быть незаметной, невидимой, ей нужно каждое утро бегать по одному и тому же маршруту, покупать рекламную газету и ждать, пока в ней не появится нужное объявление…

Но об этом лучше сейчас не думать.

Точно так же и со вторым вариантом.

Сбежать отсюда ей никак нельзя, она должна оставаться в этой квартире, должна ждать, ждать… Все должно остаться как есть, она не вправе ничего менять, это чревато самыми неожиданными и нежелательными последствиями.

Что же тогда остается?

Ксения встала и дошла до ванной.

Решение наконец пришло.

Она должна избавиться от тела и продолжать жить в этой квартире, как будто ничего не случилось.

От тела? Господи, она уже называет Анну телом!

Ксения дрожащей рукой отодвинула занавеску в рыбках, которую сама же и купила на прошлой неделе. И снова увидела распухшее синее лицо и багровую тонкую полоску на шее.

Это не Аня. Ани уже нет. Ей уже все равно.

Это будет ужасно, это будет невыносимо – но другого выхода у Ксении нет.

Так… но тогда нужно придумать, как избавиться от трупа.

Она решила больше не называть женщину в ванне по имени – так будет легче решить проблему. И прежде всего нужно успокоиться.

Бросив еще один взгляд на неподвижное тело, она выскочила из ванной и обошла квартиру в поисках чего-то, во что можно это тело завернуть.

Ковер?

Но ковра подходящего размера в квартире не было. Кроме того, ковер может в самый неподходящий момент развернуться. На глазах у изумленной публики. Да и вообще, что она сказала бы хозяйке, которая хватилась бы ковра. А та ведь

обязательно явится, каждую неделю приходит…

Нет, ковер отпадает. Но тогда что?

Она заглянула в кладовку, которой они с Анной почти не пользовались, – и тут увидела огромную картонную коробку.

Ну да, это была коробка от холодильника.

Хозяйка съемной квартиры купила новый холодильник меньше года назад и велела не выбрасывать коробку, пока не закончится гарантийный срок.

Ну что ж, коробкой придется пожертвовать. Во всяком случае, труп сюда точно поместится…

Ксения перенесла коробку к двери ванной, затем с трудом вытащила труп.

Анна была девушка худощавая, никакого лишнего веса, но труп ее оказался неожиданно тяжелым.

С огромным трудом Ксения смогла затолкать ее в коробку, потом нашла на кухне большой моток скотча и заклеила коробку во всех сомнительных местах, чтобы труп не вывалился по дороге…

Она приказала себе выключить все эмоции и работала на автомате.

Но теперь возник самый трудный вопрос – куда спрятать коробку с трупом и как ее туда перетащить. Сама она ни за что не справится с такой тяжестью…

И тут у Ксении возникли кое-какие мысли. Видимо, под влиянием стресса ее голова заработала в полную силу.

А именно она вспомнила, что возле гаражей, мимо которых пробегает по утрам, вечно ошиваются два смирных алкаша – Паша и Саша, которые всегда находятся, как пишут в соцсетях, «в состоянии творческого поиска» – чего бы выпить и где бы по мелочи подработать, не слишком при этом переламываясь.

Один как-то появился у них в квартире – донес Ане кучу коробок, чего-то она там накупила со скидкой.

Хозяйка тогда его застала и выгнала. Сказала, что для мелких работ алкаши годятся, но в квартиру пускать их не нужно. Не то чтобы сопрут чего, они вообще-то честные, но уж больно грязи на них много, потом хоть дезинфекцию делай…

Ксения оставила коробку с трупом в прихожей, заперла дверь и отправилась к гаражам, с удивлением отметив, что на улице уже наступили сумерки.

Значит, пришла она домой в четвертом часу, пока была в шоке, пока в себя приходила, пока тело упаковывала… а сейчас уже вечер.

Алкаши были на месте и, судя по одинаковому выражению мировой скорби на их траченных временем лицах, пребывали в состоянии тяжелого похмелья.

Один из них был лыс, как школьный глобус, голову другого покрывала густая рыжая растительность, придававшая ему отдаленное сходство с орангутангом.

Который из них Паша, а который Саша, не знал достоверно никто, возможно, даже они сами. Впрочем, поскольку они всегда все делали только вдвоем и поодиночке никогда и нигде не появлялись, их и называли общим именем – Саша-Паша или Паша-Саша, кому как больше нравилось.

– Саша-Паша! – окликнула их Ксения. – Выпить хотите?

– Глупый вопрос! – трагическим тоном проговорил лысый (предположительно Саша).

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке! – добавил рыжий, предположительно Паша.

Видимо, у него сегодня было философское настроение.

– Смотришь в корень! – одобрила Ксения. – Само собой, выпивку придется заработать.

– Заработать – это мы никогда не против, – отреагировал вероятный Саша.

– Кто не работает – тот не пьет! – поддержал его возможный Паша. – Все дело в том, какая нам предстоит работа. Если она не противоречит нашим аморальным убеждениям и не оскорбляет наше безнравственное чувство…

– А какие у вас убеждения?

– Убеждения наши такие, чтобы работать поменьше, а пить побольше! В противном случае работа нас оскорбляет, причем как морально, так и физически!

– Весьма здравые убеждения! – оценила Ксения. – Так вот, я вам изложу конкретную задачу, а вы уже подумаете, как ее решить и соответствует ли она вашим убеждениям. Дело в том, что я купила новый холодильник…

– Холодное пиво… – мечтательно проговорил предположительный Паша. – Ты можешь меня спасти…

– Холодная водка тоже!

– Не отвлекайтесь! Значит, купила я новый холодильник, а старый не выбросила. И теперь не знаю, что с ним делать. Стоит посреди коридора, и вечно я на него натыкаюсь. Хотела его на помойку отнести, а там управдом караулит, штрафом грозится…

– А если ночью? – заинтересованно предложил Саша.

– Ночью я сплю!

– Ну, надо же… какие у тебя твердые убеждения!

– Короче, вы мои убеждения будете критиковать или хотите заработать на выпивку?

– Заработать! – поспешно выразил Паша общее мнение.

– Тогда срочно придумайте, куда можно сплавить этот старый холодильник.

– А чего тут думать-то? На Пупкина! – Саша переглянулся со своим другом, тот понимающе кивнул:

– Однозначно, на Пупкина!

Ксения потребовала пояснения, и Саша-Паша объяснили, что неподалеку, на улице Зоотехника Пупкина, строится новый дом, точнее – паркинг на двести машино-мест, в связи с чем ведутся работы по расчистке территории. Каждое утро туда привозят большой строительный контейнер, который в течение дня заполняют мусором, а на следующее утро увозят, чтобы заменить новым.

– Так там небось следят, чтобы кто-нибудь свой мусор не подкинул? – усомнилась Ксения.

– До пяти часов следят, а после только сторож остается, дядя Леонтий. Он к шести выпьет и идет в бытовку спать. Так что не сомневайся, хозяйка, подкинем твой холодильничек в лучшем виде! Ни один комар или там другое насекомое носа не подточит! – тут Саша озабоченно почесался.

– Ну, я на вас полагаюсь!

– Только вот еще что, – спохватился Паша. – Мы же не обсудили самое главное. Какова цена вопроса?

– Точно! – подхватил Саша. – Сколько ты нам готова заплатить? Может, нам и браться за это не стоит.

– Ну, не обижу…

– Это общие слова, а мы ждем конкретного предложения.

– Ну… может, сойдемся на тысяче?

– Что? Это несерьезно!

– А сколько же вы хотите?

– Полторы! – выпалил Саша.

– Ладно…

– Каждому! – добавил Паша.

Возможно, в его подсознании всплыла фраза из культового советского фильма.

– Ну, ладно… только вот что – холодильник тяжелый, вам, наверное, тележка какая-нибудь понадобится.

– Ну, тележку-то, – отмахнулся Саша, – тележку мы у Валентины Васильевны займем, которая в круглосуточном магазине.

– Валентина Васильевна не даст после прошлого раза, – усомнился Паша.

– А мы ей не скажем!

Так и случилось.

Через десять минут Саша вернулся с тележкой, и вся троица отправилась к дому Ксении.

По дороге Ксения просила Провидение – или судьбу, или кого-то еще, – чтобы им не встретился никто из соседей. Хоть ее-то в доме пока что мало знают, но уж эти двое всем соседям хорошо известны, сразу какая-нибудь бдительная бабуля заинтересуется.

Однако мольбы Ксении были услышаны.

Вместе со своими колоритными спутниками она поднялась на свой этаж и вошла в квартиру.

Коробка стояла там, где она ее оставила, – посреди прихожей. Да и куда она могла подеваться?

– Ну, вот он – мой холодильничек! – сообщила девушка Саше-Паше с наигранным энтузиазмом.

Саша-Паша с жизнерадостным матерком подхватили коробку и взгромоздили на тележку.

– И правда тяжелый! – прокряхтел Паша. – Добавить бы надо!

– Обойдетесь! Договор дороже денег!

Ксения проводила их до лифта, убедилась, что никто из соседей не вышел на площадку, и отдала деньги.

– Все, ребята, мы в расчете! Дальше вы уж сами.

– Не волнуйся, хозяйка, мы – люди честные! – с достоинством ответил Паша или Саша. – Все сделаем в лучшем виде! Комар или какое другое насекомое…

Тут двери сомкнулись, и лифт поехал вниз, так что окончания фразы Ксения не услышала.

Сама она заперлась на все замки, понимая, что это глупо, раз ее ключи где-то бродят, и бессильно опустилась на галошницу.

Перед глазами стояло лицо Ани – синее, опухшее. Ведь это из-за нее, Ксении, тело Анны теперь валяется где-то в мусорном контейнере. Хотя… если бы Анка пошла туда сама, ее ожидала бы такая же смерть.

Ксения посмотрелась в тусклое зеркало, висевшее в прихожей, и дала себе слово, что так просто она это дело не оставит, что смерть Анны не останется безнаказанной. Рано или поздно, но она найдет виноватых. Они-то не знают, что убили не ту девушку.

Зная, что не заснет, Ксения потратила кучу времени на уборку квартиры. Мало ли, хозяйка завтра зайдет. Если оставить все как есть, тетка сразу догадается, что в квартире что-то случилось. У нее в этом смысле глаз – алмаз.

Через три часа квартира блестела, а Ксения буквально падала с ног от усталости.

Сон все же пришел, но встала Ксения, как обычно, без четверти семь. Надела спортивный костюм и кроссовки и отправилась на пробежку. Что бы ни случилось, все должно быть неизменно, в том числе и маршрут.

Обогнуть дом, потом через двор мимо гаражей, где никого не было, видно, алкаши в такую рань еще отсыпались, миновать переулок, затем нырнуть в проход между шестиэтажными домами и войти в боковую калиточку сквера. Пробежать по аллее, выйти на проспект, перейти дорогу возле супермаркета, а там уже как раз открывается ларек, где можно купить рекламную газету.

Все было как обычно, только Ксения выбросила Анин телефон в мусорку возле супермаркета, а сим-карту уронила незаметно в люк на переходе.

Хватятся ее на работе, начнут звонить… Не отвечает – и все, другую няню найдут.

Дома Ксения просмотрела рекламные объявления в части «Разное». По-прежнему ничего нужного не было.

Ну что ж, у нее появился свободный день. Который она намерена провести с пользой.

Прежде всего нужно изменить внешность. Блондинка с длинными прямыми волосами должна исчезнуть. Ее убили. А вместо нее в квартире живет совсем другая девушка. Хозяйка – выжига, та съехала, так она сразу новую жилицу пустила.

Что-то подсказывало Ксении, что убийца не будет интересоваться, куда делось тело и отчего не крутится возле квартиры полиция.

Это неправда, что убийца возвращается на место преступления, зачем ему это делать? Только подозрения на себя наводить!

Итак, прежде всего – парикмахерская.

Ксения не пошла в салон, который советовала в свое время Аня, у нее там работала знакомая маникюрша. К тому же салон приличный, туда без записи не попасть.

Ксения прошла пару кварталов и увидела неприметную вывеску парикмахерской.

В небольшом зале никого не было, на звонок вышла мастер, дожевывая что-то на ходу. Пахло от нее кофе и сдобой.

Из потрепанного журнала Ксения выбрала асимметричную стрижку, так что с одной стороны не было видно лица совсем, и цвет – сочный, рыже-каштановый.

Покрасили и постригли ее на удивление прилично, да еще прибежала в последний момент запыхавшаяся хозяйка салона и выкрасила темным брови и ресницы.

У подъезда торчали Саша и Паша, переругиваясь с управдомом.

Ксения забеспокоилась было, что ленивые алкаши всунули все же коробку с телом в обычный мусорный бак, но речь шла о неубранных листьях, которые мужики обещали убрать с утра, да, видно, решили не напрягаться, раз деньги на выпивку пока есть. Впрочем, ненадолго.

На Ксению все трое не обратили внимания – стало быть, не узнали. Это радует.

К новой прическе не подходила нарочито простая одежда Ксении – джинсы, куртки, свитера.

Она тяжело вздохнула и нашла у Анны коротенькое яркое пальтецо и узкие черные брюки. И сумку взяла другую, по сумке могут узнать.

Потому что путь Ксении лежал в ненавистный теперь Таврический сад, а вдруг там будет гулять эта ведьма Изольда? Хотя вряд ли, другую няню возьмут или эту швабру экономку пошлют.

Ксения снова вспомнила взгляд ребенка в коляске – яркие глаза, как будто горит в них темный неугасающий огонь. Ну, не бывает у младенца таких глаз…

В саду было пустынно, возможно, потому, что сегодня погода не радовала – нависали над городом темные свинцовые тучи, грозящие пролиться дождем.

Стараясь не показать, что торопится, Ксения обошла сад.

Разумеется, не было тут ни того подозрительного гастарбайтера, что сгребал листья, ни тетки в красном берете, ни хулиганистых мальчишек с мячом.

Вот и то место, где попали они в нее мячом, сейчас Ксения точно знает, что нарочно.

Она прошла по аллее в обратную сторону и увидела еще один выход из сада.

Идя вдоль решетки, свернула в переулок… ага, а вот и школа. Огорожена забором, внутри дети шумят, видно, сейчас перемена.

А если миновать школу, то там уже и до метро рукой подать, а к нему можно между домами пройти, прямо к ларькам. Цветы, напитки, кофе навынос…

Ксения сама не поверила в свою удачу, когда увидела троих подростков, что тусовались возле ларьков. Не кофе пили, а пиво. Отошли, правда, в сторонку, чтобы со двора школы их не было видно.

Ксения пристроилась за цветочным магазинчиком и внимательно рассмотрела преступную троицу.

Ну да, они самые.

Один был невысокого роста, с чуть раскосыми глазами и как будто приклеенной ко лбу черной челкой. И хоть видно было, что парень довольно силен и

спортивен, но особым авторитетом в компании не обладает. Второй… второй был, пожалуй, красив – рано вырос и раздался в плечах, и густые волосы лежат светлой волной, но в глазах его была полная пустота, короче, парень был тупой, как автобус, и ничего с этим учителя не смогли сделать. Да, наверное, и не пытались.

А вот третий… Ксения поняла, что третий совсем не прост и даже может быть опасен. Вроде бы и ничего в нем особенного – росту среднего, мускулы так себе, видно, что спортом особо не занимается, но глаза как бритва, и на месте не стоит, все время пританцовывает. Что ж, похоже, этот у них главный, с ним и надо поговорить.

Парни допили пиво, бросили банки тут же и пошли в сторонку.

Вот, интересно, они в школу совсем не ходят? Вчера часов в двенадцать в саду болтались, сегодня в то же время пиво пьют.

Ну, разумеется, это не ее, Ксении, проблемы, но все же…

На углу мальчишки распрощались, стукнувшись кулаками на манер черных рэперов, и разошлись.

Азиат с блондином пошли все же в сторону школы, а третий, которого Ксения мысленно окрестила Шустриком, свернул в проходной двор.

Ксения направилась за ним.

Шустрик прошел через безлюдную детскую площадку, свернул за кирпичный гараж и пошел медленнее, заплетаясь ногой за ногу.

Ксения нагнала его, поравнялась.

Мальчишка резко остановился, повернулся к ней и прошипел:

– Чего надо? Что ты за мной тащишься? Глаз на меня положила, что ли?

– Да больно ты мне нужен! – фыркнула Ксения. – Поговорить с тобой хочу.

– Поговори-ить? – протянул мальчишка нарочито детским, дурашливым голосом. – Поговорить, тетенька, это можно! Только, тетенька, не бесплатно!

– Какая я тебе тетенька? Ты дурачком-то не прикидывайся!

– Ага, и ты меня за дурака не держи! – Мальчишка быстро огляделся по сторонам, оскалился и прошипел: – Гони срочно десять штук, а то закричу, что ты меня домогаешься! Тебя тут же в полицию сдадут! Загремишь на зону! С педофилами сейчас знаешь как строго?

– Ты что? – Ксения изобразила испуг. – Я же только поговорить хотела…

– Я сказал – десять тыщ, или заору!

– Ну, попробуй! – Ксения быстро шагнула к нему, с обманчивой мягкостью взяла за руку и неожиданно резко вывернула ладонь.

Лицо мальчишки перекосилось от боли, глаза округлились, он открыл рот, чтобы вскрикнуть, но Ксения молниеносно ткнула его двумя пальцами в горло. Дыхание у Шустрика перехватило, он закашлялся, захрипел, из глаз потекли слезы.

– Ну что, передумал орать, деточка? – ласково проговорила Ксения и еще немного надавила на его руку.

– От… отпусти! – прохрипел мальчишка, безуспешно пытаясь вырваться.

– Отпущу, если ответишь на несколько вопросов.

– Отвечу… на все отвечу, только не делай так больно!

– А ты потерпи уж… – Ксения немного ослабила нажим, но не отпустила руку.

– Вчера в саду ты гулял с приятелями… – начала Ксения.

– Ну… мы с пацанами там часто тусуемся… а что – нельзя? Сад – он общественный…

– Тусоваться можно, но вы запустили мячом в лицо женщине…

– Ну да, там была баба с коляской… так это случайно вышло… подумаешь, мячом…

– Случайно? – Ксения снова надавила на ладонь. – А может, совсем не случайно? Ты что, меня за идиотку держишь? Вместо школы пошли вы в садик в мячик поиграть, это случайно?

Мальчишка позеленел, попытался крикнуть, но снова закашлялся. Вдруг в глазах его мелькнуло узнавание:

– Так это ты, что ли, была? Перекрасилась только и оделась по-другому…

– Наблюдательный! – Ксения усмехнулась. – Прямо Шерлок Холмс! Так вот, если не скажешь, зачем запустил в меня мячом, – я тебе сломаю пальцы. Хочешь?

– Ты что! – Глаза мальчишки округлились от ужаса. – Я же на гитаре играю! Мне со сломанными пальцами никак нельзя!

– Сочувствую, – Ксения еще немного сдавила руку. – Так что – ничего больше не вспомнил?

– Отпусти! – захныкал парень. – Нам та тетка заплатила, чтобы в тебя мячом запулить! По пятьсот вперед и еще по пятьсот потом, когда все сделаем…

– Какая тетка? Рассказывай все, в подробностях! Где она вас нашла? Как все было?

Мальчишка снова замолчал было, но Ксения сжала руку сильнее, и он торопливо заговорил, то и дело сбиваясь на кашель:

– Мы, значит, вчера с пацанами хотели у Паука травы купить…

– Кто это – Паук?

– Паук – он дилер, он в нашу школу траву носит, и кислоту, и другую дурь… но мы только траву покупаем. В общем, на перемене подошли мы к дырке в заборе, он туда приходит с товаром. А Паук тут и говорит – цена повысилась, инфляция, мол, курс рубля падает, так что теперь все почти в два раза дороже.

«Паук, ты чего? – возмутились мальчишки. – Мы же всегда по такой цене покупали… у нас больше нету…»

«А нету – так ешь конфету! – ответил им безжалостный дилер и удалился, бросив напоследок: – Когда будут деньги, тогда и приходите!»

Разочарованные недоросли топтались возле дырки в заборе, думая, где бы достать недостающие деньги.

В это время из-за забора донесся негромкий женский голос:

«Эй, парни, у вас проблемы с деньгами?»

За забором стояла незнакомая женщина. Мальчишкам она показалась старой, впрочем, они считали пожилыми всех людей старше двадцати лет и старыми – старше тридцати.

«Чего надо, тетка?» – презрительно процедил Шустрик.

«Не заедайся! – оборвала его незнакомка. – Короче, заработать хотите?»

«А это смотря что тебе нужно. Только сразу скажу – в машину к тебе не сядем и никуда с тобой не поедем».

«А я вам ничего такого и не предлагаю…»

И незнакомка сказала, что вся работа заключается в том, чтобы запустить мячом в лицо женщине, которая будет гулять с коляской в Таврическом саду.

«Не вопрос! – радостно ответил за всех Шустрик. – Это мы даже с удовольствием!»

Быстро договорились об оплате (мальчишки поторговались), получили половину денег авансом и разошлись. То есть женщина ушла, а мальчишки остались на прежнем месте и дождались, когда вернется Паук.

– А остаток денег она вам когда даст?

– Так уже дала. Там же, в саду. Мы в тебя мячом запулили и сбежали, а она нас через несколько минут встретила и отдала деньги.

– Значит, она тоже была в саду?

– Ну да… она возле тебя стояла, еще платок тебе дала, или салфетку, лицо обтереть. Только беретку красную надела, для конспирации… – мальчишка фыркнул.

Выходит, та женщина, которая пожалела Ксению, сама же и наняла хулиганов, которые запустили ей в лицо мячом…

Впрочем, Ксения так примерно и думала. Особенно когда та женщина бесследно исчезла…

– Ага, а вы не спросили, за каким чертом ей это было надо – в меня мячом запустить?

– Не-а! – парень поглядел на Ксению абсолютно прозрачными глазами. – Знаешь ведь – кто деньги платит – тот и музыку заказывает. Она заплатила, работа нетрудная, ну, и все… Отпусти руку!

– Рано еще, – Ксения почувствовала непреодолимое желание сжать руку как можно сильнее и сломать пальцы, может, хоть так у него появится время подумать о своем поведении.

Она с трудом взяла себя в руки.

– А потом что было?

– Да ничего не было, мы, как договаривались с теткой, ломанулись оттуда в сторону, подождали ее за углом, через три минуты и она подошла, расплатилась, а потом и говорит, если не хотите неприятностей, то валите отсюда срочно и про этот случай помалкивайте. Ну, мы и пошли.

– Больше никого там не видели?

– Я тебе все рассказал, – прохныкал Шустрик. – Честное слово, все… отпусти…

– Так и быть, отпущу. Только последний вопрос – где находится твоя школа и где та дырка в заборе, возле которой вы встречаетесь с Пауком?

– Да вот же школа наша, как к метро идти! – И Шустрик подробно описал, как найти пресловутое место встречи с наркодилером.

– Ладно, живи! – Ксения на прощание сильно сжала руку мальчишки и быстро ушла, а он еще долго стоял, всхлипывая и тряся рукой.

Ксения же отправилась к школе, нашла узкий переулок, из которого была видна школьная ограда.

Возле этой ограды прохаживался приземистый толстяк с одутловатым лицом в трехдневной щетине и с длинными, как у гориллы, руками.

Ксения подобралась к нему как можно ближе, спряталась за закрытым киоском и приготовилась к ожиданию.

Очень долго ждать ей не пришлось. Прошло всего несколько минут, и к забору с другой стороны подбежала девочка лет тринадцати, с аккуратно заплетенной косой и видом первой ученицы.

– Паучок! – крикнула она, вцепившись в забор. – Ты принес, что обещал?

– Принес, принес, зайка! – промурлыкал толстяк. – Можешь не сомневаться, травка – первый сорт!

Девчушка протянула через забор деньги, получила в обмен небольшой пакетик и убежала, крикнув напоследок, что опаздывает на физику.

Едва она исчезла, Ксения выскользнула из своего укрытия и подбежала сзади к дилеру.

Тот вздрогнул, услышав за спиной шаги, и резко развернулся. Однако увидев, что это всего лишь незнакомая девушка, успокоился, осклабился и проговорил с ленивой растяжкой:

– А ты еще кто така-ая? Чего на-адо? Если тебе надо ду-ури прикупить – так ты не туда пришла. Подходи с другой стороны забора, тогда поговорим…

– С другой стороны, говоришь? – переспросила Ксения. – А мне удобнее с этой…

И с этими словами она изо всех сил пнула Паука в колено носком ботинка.

Он зашипел от боли, запрыгал на одной ноге.

– Ты че – совсем на голову больная? – прохрипел злобно. – Ну, я с тобой сейчас разберусь…

– Попробуй! – и Ксения затанцевала вокруг дилера, сохраняя безопасную дистанцию.

Паук хрипло выругался, и в руке его появился нож. Он двинулся вперед, заметно прихрамывая и размахивая этим ножом.

Ксения замерла, подпустила Паука почти на расстояние удара, но, когда он сделал выпад, скользнула в сторону, пропустила его мимо себя и внезапно схватила за запястье и сильно сжала его.

Паук выронил нож.

Ксения завернула его руку за спину и нажала на нее так, что раздался негромкий хруст.

Дилер взвизгнул, выматерился и прохрипел:

– Ты, с-сука драная, ты мне руку сломала! Ты не знаешь, что я с тобой сделаю!

– Не знаю и не интересуюсь. Потому что ничего ты мне не сделаешь. А вот я тебе действительно могу руку сломать. Или даже обе. И стоило бы, между нами. Ты малолеткам дурь продаешь – за это тебе не только руки, тебе шею сломать стоит!

– Ты не знаешь, с кем связалась! За мной стоят такие люди… такие люди…

– Почему же не знаю? Очень даже знаю! Связалась я с мелким и жалким дилером, который продает отраву школьникам, потому что со взрослыми ему иметь дело страшно. Кишка тонка! Связалась я с жирным слизняком, который ничего не умеет делать. Даже ножом махать толком не умеет. Да и те люди, которые за тобой стоят, тоже мелюзга. Но ты им про меня ничего не расскажешь, потому что постесняешься рассказать, что тебя отделала какая-то девчонка.

С этими словами Ксения припечатала физиономию Паука к кирпичной стене.

– Чего ты от меня хочешь? – захныкал Паук, вид у него был ужасен.

Кирпичи аккуратно отпечатались на жирной одутловатой морде, из ссадин капала кровь.

– Во-первых, я хочу, чтобы ты больше не приходил к этой школе. И ни к какой другой тоже.

– А как же я… мне же надо товар продать… с меня же за него спросят…

– А вот это твои проблемы. Но только если я тебя здесь еще раз увижу – обещаю, отсюда тебя увезут в реанимацию! Это мы еще с тобой близко не познакомились, – добавила Ксения.

Паук злобно подвывал, баюкая сломанную руку.

Ксения же продолжила:

– И это еще не все! Сейчас ты мне подробно расскажешь про ту женщину…

– Это про какую же? – подозрительно спросил дилер.

– Знаешь, про какую! Про ту, которая была здесь позавчера. Про ту, которая разговаривала с мальчишками после того, как ты им повысил цену на траву.

– Да я знать ничего не знаю…

– А вот врать не надо! Ты нарочно поднял цену на траву, чтобы у них не хватило на нее денег и чтобы они договорились с той бабой! Скажешь, нет?

Паук настороженно молчал, и Ксения, чтобы сделать свои слова более убедительными, сильнее надавила на его заломленную руку.

– Бо-ольно же! – взвыл Паук.

– Это еще не больно! Если не расскажешь, о чем я прошу, – тогда тебе действительно будет больно! Вторую сломаю, а может, и шею… – мечтательно добавила Ксения. – Будешь всю оставшуюся жизнь в ошейнике ходить и голову оттуда высовывать, как черепаха!

– Ладно, ладно, я все расскажу, только отпусти руку! Я от боли ничего не соображаю!

– Ты вообще плохо соображаешь! – ответила Ксения, но все же немного ослабила нажим.

– Да, да, я все расскажу! – захныкал Паук.

– Ну, так рассказывай!

– Да, подошла ко мне баба и сказала, чтобы я этим мальчишкам поднял цену на траву. Чтобы загнул вообще неподъемную цену. Если они согласятся – чтобы еще поднял, пока они не уйдут. Обещала за это хорошо заплатить… я подумал, что она – чья-то мамаша, хочет таким манером отвадить их от наркоты. Но мне на это плевать с телебашни, если она платит деньги – и хорошо, а дурь я другим продам… школота ее расхватывает, как горячие пирожки…

– Меня твои мысли не интересуют! – оборвала его Ксения. – Ты мне лучше расскажи про ту женщину. Кто она такая?

– Да откуда же я знаю? Говорю же, я подумал, что она мать одного из тех пацанов, да только, видно, я ошибся, потому что они потом снова пришли и денег принесли…

– Еще раз говорю – мне твои педагогические рассуждения не интересны! Меня интересует та женщина! Что ты можешь про нее рассказать?

– Да ничего не могу! Обычная бабенка, одета так себе, возраст средний…

– Как она тебя нашла?

– Да тут, неподалеку. Подошла на улице – у меня, говорит, дело к тебе есть. Важное дело. Я ее сперва послал подальше, мол, нет у меня времени на пустые разговоры, а она тут достала кошелек… большой такой кошелек, хорошей кожи, скорее даже, бумажник или это… портмоне, и протянула мне купюру. «Вот, – говорит, – залог, что разговор будет не пустой». Ну, тут я ее волей-неволей выслушал…

Тут глаза Паука блеснули.

– Вот что… – проговорил он, понизив голос. – Когда она доставала деньги из своего кошелька… то есть из бумажника, я там у нее кое-что заметил…

– Что заметил? Да не тяни ты!

– Пропуск!

– Пропуск? Какой пропуск?

– А если скажу – отпустишь?

– Да нужен ты мне был сто лет!

– Пропуск в бизнес-центр «Династия». Это который на Большой Монетной…

– А ты не врешь? Как это ты успел разглядеть пропуск, да еще и название прочитать?

– А у меня глаз-алмаз! – хвастливым тоном произнес Паук.

– Уж прямо! Тоже мне, Соколиный Глаз нашелся…

– А при моей работе иначе нельзя. Я могу с одного взгляда дозу герыча или кокаина определить с точностью до четверти грамма. И не только вес – я сразу скажу, насколько товар разбодяжен, сколько к нему добавлено талька или сухого молока…

– Опять расхвастался! Ладно, так и быть, на этот раз я тебя отпущу! Помни мою доброту!

Ксения разжала руку и пнула Паука пониже спины, придав ему начальное ускорение.

Он потрусил прочь, поддерживая руку и затравленно оглядываясь.

«Значит, тут целый заговор, – подумала Ксения, глядя ему вслед, – хорошо задуманная, грамотно проведенная операция. Но зачем? Что было ее настоящей целью? Украсть ребенка? Чтобы вернуть его через полчаса? Бред какой-то!».

Да, но она-то ведь почти уверена, что ребенка подменили…

Только та ведьма, его бабка, и слышать про это не хочет! А что, если… если она тоже в деле?

Да не может быть, все же мальчик – ее собственный внук.

Да так ли это на самом деле? Ведь Ксения ничего не знает об этой семье.

Но все же если старуха в деле, то это многое объясняет. И то, что выгнали прежнюю няню, которая, несомненно, обнаружила бы подмену. И то, что ей, Ксении, всучили ребенка сразу же, она даже руки не помыла. Потом пригрозили полицией, в расчете, что она испугается и сбежит. Они не ожидали, что она заговорит о подмененном ребенке. И тогда послали к ней убийцу. Который убил вместо нее Анну.

«Вот, – подумала Ксения, – вот это главное». Ей важно найти Анкиного убийцу. А про ребенка она подумает потом.

И Ксения отправилась на Большую Монетную.

Бизнес-центр «Династия» занимал недавно отреставрированное старое четырехэтажное здание.

Войдя внутрь, Ксения увидела на стене табличку с названиями расположенных в центре фирм.

На первом этаже располагалось рекламное бюро «Сигнал», на втором – риелторское агентство «Лофт» и бюро переводов, на третьем – компьютерная фирма «Терра Нова». Четвертый этаж занимала адвокатская контора «Ш.У.Мер и компаньоны».

Ни одно из этих названий ничего не говорило Ксении.

Где может работать таинственная женщина? В рекламном бюро или в компьютерной фирме? В риелторском агентстве или в адвокатской конторе Ш.У.Мера?

Кстати, что за странные инициалы? Шота Устинович? Шамиль Ульянович?

Чтобы найти ту женщину, нужно пройти внутрь центра, а для этого нужно миновать вертушку охраны, где постоянные сотрудники предъявляли пропуска, а гости показывали паспорт, и им выписывали тоже пропуска, только временные.

Конечно, Ксения могла пройти внутрь, представившись клиентом, допустим, риелторского агентства, но тогда ей пришлось бы показать паспорт или другой документ, а светиться под собственным именем ей не хотелось.

Тут у нее возникла другая идея.

Если гора не идет к Магомеду – Магомед идет к горе.

Если она не может обойти все конторы в этом бизнес-центре, чтобы найти среди их сотрудников таинственную женщину, – нужно, чтобы они сами вышли к ней…

На первом этаже, немного не доходя до вертушки, располагалось небольшое кафе. Видимо, в нем обедали сотрудники центра, но могли перекусить или выпить кофе и посторонние.

В это-то кафе и направилась Ксения.

Она заказала кофе и сандвич и в ожидании заказа прошла в туалет.

Внутри, к счастью, никого не было.

Для начала Ксения заблокировала дверь изнутри ручкой швабры, чтобы ей никто не помешал. Затем нашла вентиляционную решетку, отвинтила ее монеткой, раскурила сигарету и выпустила дым в вентиляцию.

Сигареты она сегодня взяла из Аниной сумки, та покуривала иногда с подружками, в то время как Ксения в рот не брала и в квартире ей курить запрещала, тут она была солидарна с хозяйкой.

Надо же, взяла на всякий случай, и вот пригодились.

Затем Ксения для верности отмотала от рулона большой кусок туалетной бумаги, завернула в него дымящийся окурок и засунула в вентиляционный канал. Разгоревшееся пламя и дым втянулись в темный короб.

Для верности Ксения повторила этот фокус, подожгла остатки рулона и засунула его в вентиляцию, затем прикрепила решетку на место, вернулась в кафе и принялась за кофе.

Она рассчитывала на то, что дым разойдется по всему зданию и где-то сработает пожарная сигнализация. Ну, если не сработает – придется придумать что-то другое…

Ксения допила кофе, доела сандвич, незаметно поглядывая на часы.

Пока ничего не происходило.

Она уже хотела повторить заказ, но тут где-то за пределами кафе раздалось завывание сирены, а потом из динамика донесся встревоженный голос:

– Пожарная тревога! Просьба всем находящимся в здании срочно покинуть его!

Девушка за стойкой встревожилась, озабоченно оглядела зал кафе и проговорила:

– Попрошу всех расплатиться, прежде чем выходить!

– Ничего не знаю, пожарная тревога! – заявил длинноволосый парень, допивавший третью чашку кофе, и выскочил из кафе.

Ксения положила на стойку деньги и тоже вышла на улицу.

Она встала неподалеку от двери, так, чтобы видеть всех, кто выходит из центра.

Скоро один за другим начали выходить сотрудники фирм – сначала с первого этажа, потом со второго… потом высыпали заросшие неопрятные парни из компьютерной фирмы на третьем этаже, и наконец – лощеные юристы из адвокатской конторы.

Тут-то Ксения и заметила знакомую женщину.

Ту самую, которая подала ей платок в Таврическом саду.

Впрочем, узнать ее было трудновато. Там, в саду, к Ксении подошла просто, даже бедновато одетая тетя в районе пятидесяти, да еще жуткий красный берет, надетый набок, ужасно ее старил. Теперь же Ксения видела перед собой вполне себе деловую ухоженную женщину лет сорока, худощавую, в дорогом пальто, с сумкой известной фирмы.

Она шла рядом с невысоким полноватым мужчиной в сером дорогом костюме и золотых очках и что-то ему говорила. И хоть мужчине на первый взгляд явно было больше пятидесяти, в курчавых черных волосах его не было ни одной седой нити. И глаза из-под очков блестели ярко, как спелые сливы.

В первый момент Ксения спряталась за чью-то спину, чтобы женщина не узнала ее, но потом вспомнила, что выглядит сейчас совсем не так, как в первую встречу, и протолкалась поближе к незнакомке, благо перед дверью бизнес-центра сейчас была толчея.

Теперь она могла даже слышать, о чем эта женщина разговаривает с мужчиной в золотых очках.

– Да, Шалва Уриэльевич… конечно, Шалва Уриэльевич… я все закрыла, не беспокойтесь…

– Безобразие! – кипятился мужчина, облизывая необычайно красные губы. – Совершенно не дают работать!

– Но пожар…

– Да нет никакого пожара! – отмахнулся он. – Это у них сигнализация глючит! Но теперь, пока пожарные все не проверят… ладно, я поехал, а вы оставайтесь и ждите, когда пустят внутрь. Потом разберетесь с теми документами…

С этими словами мужчина нырнул в припаркованный рядом черный «Мерседес» и рванул с места.

Ксения заметила, как женщина внимательно посмотрела ему вслед, а как только машина скрылась за углом, преданное выражение тотчас сошло с ее лица.

Она озабоченно посмотрела на часы, выпрямила спину и пошла по проспекту широким шагом уверенной в себе деловой женщины.

Ксения выждала пару минут и устремилась за ней. Она и сама не знала, что будет делать, пока решила понаблюдать.

Через пару кварталов интересующая ее женщина вошла в кафе. Кафе было довольно дорогое, и большой зал в это время почти пуст, поскольку время ланча давно прошло, а время ужина еще не наступило.

Ксения, не торопясь, вошла в те же двери и увидела, что женщина сдала пальто и скрылась за дверью туалета. Ксения тоже разделась, ловко уронила номерок, который подкатился к дверям зала, и, наклонившись, быстро обежала зал глазами.

Зал был разделен на кабинки, то есть каждый столик отделен был от других невысокой хлипкой стеночкой высотой около метра, уставленной цветочными горшками. И в одной из кабинок Ксения увидела кого-то очень знакомого.

Немолодая черноволосая женщина в черном, напоминающая старую облезлую ворону…

Да это же Изольда Михайловна! Сидит, кофе пьет. Здрасте, давно не виделись!

Ксения прошла в зал и заняла соседнюю с Изольдой кабинку.

Та как раз заметила входившую женщину и помахала ей, оставив Ксению без внимания. Оно и к лучшему.

Скрипнул стул, звякнула чашка.

– Ну? – послышался из-за перегородки голос вновь прибывшей. – Что за спешка? О чем вы хотели поговорить?

Теперь голос у нее был под стать походке – холодный, деловой и высокомерный. Но на Изольду Михайловну, судя по всему, должного впечатления не произвел.

– Она звонила, – сказала Изольда, – она звонила вчера…

– Кто? – насмешливо перебила ее собеседница. – Кто вам звонил? Нельзя ли конкретнее?

– Не придуривайся! – выпалила Изольда. – Ты прекрасно знаешь кто! Моя невестка Алена! Она звонила вчера из больницы и сказала, что выписывается, вот!

– Тише… – шикнула собеседница. – Не нужно орать в публичном месте!

– Да кто тут услышит? Никого же нет… – Все же Изольда понизила голос.

Тут она была в корне не права, поскольку как раз в это время Ксения внимательно слушала их разговор. Помешала не вовремя подошедшая к ней официантка, и Ксения быстро заказала кофе, который был тут дорогущий.

За стенкой кабинки говорили теперь тихо.

Ксения быстро оглядела кабинку. Стенка, как уже говорилось, была хлипкая, и между ней и окном была небольшая щель. Так что, если прижать к этой щели ухо поплотнее, то слышимость станет лучше.

Что Ксения и сделала, оглянувшись предварительно, не идет ли официантка с кофе.

– Говорите толком… – цедила вновь пришедшая, – и не смейте мне «тыкать», мы с вами не в таких отношениях!

– Скажите, пожалуйста, какая цаца! – заговорила было Изольда в полный голос, но тут же хрюкнула и закашлялась, так что Ксения мигом догадалась, что собеседница либо ущипнула ее, либо ткнула чем-нибудь острым. Так старой ведьме и надо!

– Она звонила и сказала, что будет проситься на выписку, что чувствует себя гораздо лучше и беспокоится о ребенке.

– А вы что?

– Я успокоила ее, как могла, сказала, что нет никакого резона прерывать лечение, прикрикнула даже.

– Я себе представляю… – проговорила женщина, и Ксения за перегородкой удивилась, потому что подумала то же самое.

Да уж, такой разговор со свекровью только укрепил невестку в ее решении.

– Вы обещали! – злым шепотом говорила Изольда. – Вы давали слово, что в клинике с Аленой не будет никаких проблем. Что ее продержат сколько нужно. Вы представляете, что случится, если она вернется в ближайшие дни? Хоть невестка у меня и полная дура, опять же в клинике, я надеюсь, с ней поработали…

– Да, доктор меня заверил, что после курса лекарств и специальной терапии…

– Заверил! – Снова Изольда сорвалась почти на крик. – Он заверил! Да за те деньги, что он получил, этот шарлатан должен…

– Да тише вы!

– Да вы понимаете, что вся с таким трудом налаженная операция пойдет коту под хвост! Да ведь Алена сразу догадается, что ребенок – не ее сын.

«Ага! – мысленно воскликнула Ксения. – Значит, я не ошиблась! Они все-таки его подменили! Ах ты, старая сволочь, собственного внука не пожалела!»

– Материнский инстинкт, черт бы его побрал! – с чувством прошипела Изольда. – Ну, допустим, я купирую скандал, объявлю ее сумасшедшей, но ведь информация просочится. У нас приличный дом, но обслуга все всегда знает. Пойдут разговоры… вернется сын… Александра, нужно что-то сделать!

– Да… тут вы правы, ее нельзя выпускать из клиники… ни в коем случае…

Ксения услышала, как кто-то нажимает кнопки мобильного телефона, и забеспокоилась, что сейчас явится официантка. Но, очевидно, в этом кафе дорогущий кофе готовили минут сорок, не меньше.

– Это я! – услышала она голос Александры. – Да, нужно поговорить. Сейчас. Что значит – дела? У нас с вами тоже дела, причем важные. Я получила информацию, что у вас проблемы с пациенткой. Не притворяйтесь глупее, чем вы есть, вы прекрасно знаете, о ком идет речь. Выписывают? Как это, ведь вы говорили…

Далее в соседней кабинке установилось молчание, очевидно, Александра слушала собеседника, а Изольда Михайловна допивала свой кофе. Это было очень кстати, потому что явилась наконец официантка с заказом.

Кофе был холодный и отдавал лавандой. На вкус Ксении, лаванда хороша в шелковом саше, на полке платяного шкафа, или уж в ванну пену лавандовую можно подлить вечером, чтобы расслабиться, но никак не в кофе. Что ж, это сейчас не главное.

– Ну? – наконец прорезался хриплый голос Изольды. – Что он вам сказал?

– Сказал, что в их отделение приходил главврач, привел какого-то высокопоставленного пациента, а попутно решил поинтересоваться и остальными. И ваша невестка попалась ему на глаза. Молодая симпатичная женщина, послеродовой невроз и легкая депрессия. Этот осел посмотрел медкарту и решил, что пациентку вполне можно выписать, раз лечение прошло успешно. Тем более что она вполне адекватна, а общение с ребеночком только поможет.

– Ваш врач обещал, что она будет под лекарствами и даже говорить не сможет! Такие деньги взял, подлец!

– Да, придется решать проблему срочно…

– Уж постарайтесь… – прошипела Изольда.

Ксения невольно поежилась. Интересно, как эти две стервы собираются решить проблему?

Великий город Ниппур никогда не спит. Когда затихает Большой рынок, когда умолкают голоса на сотне языков и наречий, когда солнце опускается в желтые воды Евфрата, чтобы совершить путь сквозь Царство Мертвых, когда спадает тяжкая дневная жара, когда уходят за городские ворота кочевники, пришедшие в Ниппур, чтобы обменять шерсть и шкуры, ароматные травы и самоцветные камни Западных гор на бронзовые ножи и наконечники для стрел, жители города, благородные Черноголовые, выносят тростниковые циновки на крыши своих глинобитных домов, чтобы выпить ячменного пива и уснуть под крупными августовскими звездами.

Тогда-то доносится из Дома Бога, из огромного круглого Зиккурата, расположенного в самом сердце города, гулкий трубный звук, проникающий в каждое жилище Ниппура, поднимающийся к самому небу, разносящийся далеко за пределы города.

Это Арнепиль, Говорящий Устами Бога, дует в огромный изогнутый рог Небесного быка, чтобы известить всех Черноголовых, живущих в Ниппуре, а также кочевников и диких людей за пределами священного города, что в Храме начинается богослужение.

Величествен Зиккурат, Жилище Энлиля! Нигде под луной нет другого такого огромного здания. Сорок шестиногих быков из черного камня охраняют вход в него. Сорок и еще сорок ступеней ведут от основания Зиккурата к этому входу, к Вратам Кочевников. И правда, в эти ворота дозволяется войти всем – узкоглазым кочевникам западных пустынь и низкорослым обитателям тростниковых плавней в устье Евфрата, косматым пришельцам из северных степей и темнокожим погонщикам верблюдов с далекого юга.

Всем им дозволяется войти во Врата Кочевников, чтобы увидеть Первый Лик Энлиля и подивиться могуществу великого божества, небесного покровителя Ниппура.

Но дальше им нет хода.

Дальше расположены Врата Черноголовых – в эти врата дозволено входить только Черноголовым, Киенги, жителям священного Ниппура, Ура, Урука и других шумерских городов. Потому что там, за этими вратами, находится Второй Лик Энлиля. Если же хоть один язычник, хоть один дикий кочевник, хоть один темнокожий погонщик верблюдов из южных земель узрит этот лик – он будет наказан немедленной смертью. За этим следят сорок Воинов Храма, которые стоят возле врат, сменяясь время от времени, с обнаженными кривыми мечами, в круглых бронзовых шлемах.

Но дальше… дальше нельзя идти и Черноголовым. Дальше – Врата Жрецов, входить в которые дозволено только жрецам, посвященным в великое таинство божества.

Когда над городом разносится звук священного рога, отворяются Врата Жрецов и сорок мужей, облаченных в длинные плащи из черной шерсти, сорок мужей с окрашенными красной охрой бородами входят в Великий Двор Зиккурата.

Там, в Великом Дворе, вокруг круглого бассейна стоят каменные быки и тигры. Они глядятся в прозрачную воду, словно разглядывают обитающих в бассейне священных рыб.

Эти рыбы сверкают, словно отлиты из чистого золота. Глаза их горят, как пылающие рубины.

Эти рыбы – потомки тех священных рыб, которые влекли по великому морю Священный Ковчег, в котором царь Зисудра спасался от Великого Потопа со своей женой и всеми зверями земными.

До Великого Потопа люди жили в блаженной стране, на далеком острове Дильмун. На этом острове реки текли молоком и медом, не было там ни изнуряющей жары, ни мучительного холода. Люди в то время не знали ни голода, ни болезней, и жили они тысячу лет.

Но люди Дильмуна возгордились и перестали поклоняться великому Энлилю. Решили те люди, что они сами равны богам.

Только благочестивый царь Зисудра продолжал молиться Энлилю, продолжал приносить ему жертвы. И своих подданных он призывал на молитву – но гордые

люди не хотели слушать своего царя.

И тогда разгневался Энлиль и обрушил на землю Великий потоп. Погубил он гордых людей, только благочестивого Зисудру спас с его женой.

Прежде Потопа пришел Энлиль к Зисудре и повелел ему построить Священный Ковчег – такой большой корабль, которого не было ни до, ни после. В этот ковчег Энлиль повелел взойти Зисудру с женой, а также по паре всех зверей.

Сорок дней и сорок ночей золотые рыбы влекли Ковчег по бескрайнему морю – и только на сорок первый день одна из рыб поплыла вперед и вернулась с камешком во рту, в знак того, что Ковчег приближается к суше…

С тех пор золотые рыбы живут в Зиккурате, в храме Энлиля.

Только жрецы имеют право лицезреть этих рыб. По их поведению жрецы узнают, доволен ли Энлиль Черноголовыми, пошлет ли он им в этом году щедрый урожай ячменя, дарует ли им здоровье и многочисленное потомство.

Если священные рыбы плавают спокойно, медленно шевеля плавниками, – значит, Энлиль доволен своим народом.

Если же рыбы беспокоятся, плавают из конца в конец бассейна, пытаются выскочить за его края – значит, Черноголовых ждет гнев бога, ждет неурожай, или страшную болезнь принесет из неведомых пустынь восточный ветер…

В этот вечер рыбы спокойны.

Сорок жрецов обходят бассейн по кругу, в том направлении, в котором солнце обходит Землю Черноголовых в своем ежедневном пути, прежде чем спуститься в Царство Мертвых, – и направляются в Святая Святых, в самое сердце Зиккурата.

Здесь, в огромном зале, стены которого выложены урским камнем, стоит огромная бронзовая статуя – Небесный Бык, внутри которого бьется сердце Энлиля.

Сорок жрецов встают в круг возле бронзового быка и запевают священное песнопение.

Они поют на священном древнем языке, который ведом только жрецам Зиккурата. На этом языке говорили предки Черноголовых в те давние времена, когда они жили на блаженном острове Дильмун, не зная болезней и страданий.

Торжественные звуки священного песнопения разносятся под сводами святилища, отражаются от его стен, множатся, заполняя зал, и наконец смолкают, истаивают, как уходит в песок вода во время безжалостной летней засухи.

В святилище наступает тишина.

И тогда вперед выходит верховный жрец.

Двое храмовых прислужников надевают на него поверх черного плаща накидку из белоснежной бычьей шкуры, на голову водружают золотую бычью маску.

В руке у жреца – священный сафаиль, или систрум, маленькая бычья голова на короткой ручке.

Жрец встряхивает сафаиль – и из него доносится сначала едва слышный стрекот, как будто в нем прячется кузнечик. Как будто он прячется в сафаиле и поет свою немудреную песенку.

В волнении прислушиваются жрецы к этому стрекоту.

Ответит ли ему божество?

Удастся ли им сегодня разбудить сердце Энлиля?

Стрекот незримого кузнечика становится громче и громче, слышнее и слышнее.

И вдруг голосу сафаиля отвечает другой голос – куда более громкий, куда более величественный.

Он доносится из чрева Небесного Быка, оттуда, где покоится сердце Великого Бога…

Громче и громче становится этот звук, постепенно он заполняет все святилище.

Жрецы ликуют – жив Бог! Жив великий Энлиль! Он не оставил свой народ, Черноголовых!

Это значит, что животворящее Солнце и на этот раз благополучно завершит свой путь через Царство Мертвых, и на этот раз благополучно поднимется над горизонтом, и на этот раз осветит и согреет своими лучами поля и сады, всю благодатную и счастливую землю Шумера, Землю Черноголовых…

Долго бьется сердце Энлиля и наконец затихает.

Жрецы благоговейно слушают это священное биение, и только когда умолкают последние звуки, верховный жрец ударяет в серебряный гонг и хор жрецов возносит новое песнопение в честь умершего и воскресшего божества.

Богослужение завершается.

Верховный жрец убирает священный сафаиль в золотой ларец, ставит этот ларец у ног Небесного Быка и во главе небольшой процессии покидает зал святилища.

И как только замирают их шаги – в темном углу святилища раздается негромкий скрип и поднимается крышка большого сундука, в котором храмовые служители хранят одеяния жрецов.

Ксения выскочила из кафе почти сразу после Александры.

Та как раз садилась в красную «Мазду», припаркованную поодаль. Судя по всему, «Мазда» была ее собственная.

Дверь захлопнулась, «Мазда» сорвалась с места, но тут же притормозила на красном сигнале светофора.

Ксения замахала рукой – и, к счастью, тут же рядом с ней затормозил неприметный серый автомобиль.

– Садись, красавица! – проговорил смуглый уроженец Средней Азии. – Куда едем?

– Вон за той красной машиной! – Ксения показала водителю на «Мазду».

– За красной так за красной! – покладисто согласился тот. – Это даже хорошо, что за красной. Красную далеко видно, не потеряем! Можно не волноваться!

– Да уж, пожалуйста, не потеряйте!

– А что – полюбовница? – водитель с интересом покосился на Ксению. – Мужа у тебя увела?

– Наоборот, – проворчала Ксения, прикинув, что Александра лет на пятнадцать старше ее и никак не тянет на любовницу ее несуществующего мужа. – Это она – жена. А у меня с ее мужем любовь. Большая и настоящая. Он давно уже обещает с ней развестись, на мне жениться, да что-то не торопится.

– То-то, я смотрю, у тебя кольца нет! – На этот раз водитель взглянул на Ксению неодобрительно, но тут же смягчился: – Любовь – это хорошо, только жениться непременно надо. Люди должны жениться.

– Говорю же – он обещает, но не торопится.

– А может, за меня пойдешь? Я зарабатываю хорошо, не пью… машина у меня своя…

– Ну, ты даешь! Я даже не знаю, как тебя зовут.

– Джамаль меня зовут. Теперь знаешь. Пойдешь за меня?

– У тебя же есть жена, – Ксения кивнула на руку с массивным золотым кольцом.

– Правда, есть! – Водитель усмехнулся. – Ну, есть одна жена, будет две… какая разница?

– Нет, так я не согласна.

– Ну, не согласна – и ладно…

За таким увлекательным разговором они проехали большую часть города, свернули с оживленной магистрали и поехали вдоль железной дороги. Справа тянулись рельсы, слева – деревья в осеннем золоте и старые гаражи, огороженные старым бетонным забором, расписанным умельцами, кто как может. Были тут целые картины, были символы, просто нецензурные надписи. Красная «Мазда» мелькала впереди.

– Однако она в «Мышеловку» едет… – проговорил водитель. – Эта дорога только туда ведет, больше никуда.

– Куда? – удивленно переспросила Ксения. – Что еще за мухоловка?

– «Мышеловка». Больница так называется. Психическая. Не знаешь, нет?

– Нет, откуда мне знать…

– Правда, откуда, – Джамаль усмехнулся. – Раньше просто больница была, психическая, имени доктора Мышкина, поэтому «Мышеловка», а теперь – частная клиника, для богатых. От алкоголизма лечат, от наркотиков, от депрессии…

«Точно он говорит, – подумала Ксения, – эта Александра как раз в клинику собиралась».

– Все-то ты знаешь! Откуда? – полюбопытствовала она.

– Таксисты все знают! Куда я только людей не возил! Сюда тоже возил…

Джамаль замолчал, видимо, с этой больницей были связаны какие-то воспоминания.

Вдруг красная «Мазда» затормозила.

– Что там? – Ксения вытянула шею, чтобы разглядеть причину задержки.

– Переезд там, закрытый, скоро поезд пройдет! Или не скоро… бывает, двадцать минут здесь ждем, бывает – полчаса… если товарный состав – все сорок минут. Но если хочешь, я тебя в «Мышеловку» могу быстрее привезти. Здесь другой переезд есть, без шлагбаума.

– А эта дорога точно в эту самую «Мышеловку» ведет?

– Точно, точно! Больше некуда! Не волнуйся, не разминешься с этой «Маздой», даже раньше ее приедешь!

– Ну, давай через другой переезд!

– Ладно, только держись…

Джамаль немного проехал задним ходом, потом свернул с дороги и въехал в узкий проход между двумя проржавевшими гаражами. Протиснувшись между ними, едва не сбив зеркало, он выехал на другую дорогу, скорее даже не дорогу, а разбитую колею, или грунтовку, всю в ямах и колдобинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/shumerskaya-pogremushka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить